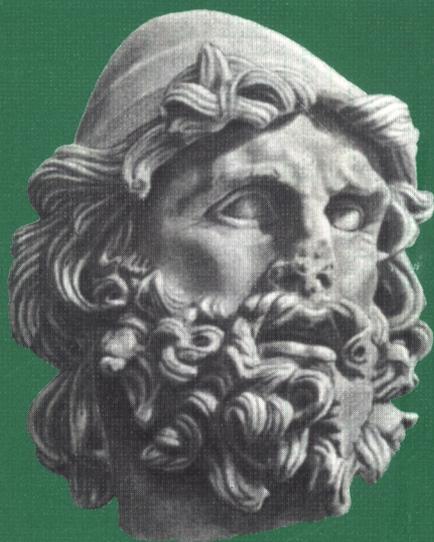

ОДИССЕЙ

2009

Путешествие как историко-культурный феномен

Время и exempla

**Средневековые визионеры
и визионерская литература**

**Террор Ивана Грозного
в культурно-символической
интерпретации**

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
ОЕ-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор
А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА,
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ,
Жак Ле ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук И.Г. КОНОВАЛОВА,
доктор исторических наук С.И. ДАНЧЕНКО

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989–.

2009 : Путешествие как историко-культурный феномен / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2010. – 000 с. – ISBN 978-5-02-037586-4.

Главная тема выпуска – феномен путешествий в разных культурах, его роль в социальной, интеллектуальной, религиозной и других сферах жизни. Представлены материалы о разных типах путешествий (паломничество, миссия, исследовательское путешествие), охватывающие период от античности до XX века. Обсуждаются вопросы межкультурных коммуникаций в ходе путешествия, статуса и образа путешественника в разных культурах, семантики и поэтики рассказов о путешествиях. Также в сборнике представлены статьи о времени в средневековых проповеднических притчах (exempla). Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей. О средневековых представлениях о страшном суде и другие материалы. Публикуются рецензии на новые издания по истории, вышедшие в России и за рубежом.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов в области гуманитарного знания и более широкой аудитории.

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-037586-4

- © Институт всеобщей истории РАН, 2010
- © Лучицкая С.И., составление, 2010
- © Коллектив авторов, 2010
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания, 2010)
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕР

А.В. Толстиков, О.Е. Кошелева

НОМО VIATOR.....

А.В. Подосинов

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АНТИЧНОЙ ОЙКУМЕНЕ: О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В “ХОРОГРАФИИ” ПОМПОНИЯ МЕЛЫ

Ф.Д. Прокофьев

PEREGRINATIO В ОКЕАНЕ: АЛЛЕГОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ В “ПЛАВАНИИ СВЯТОГО БРЕНДАНА”

Т.Н. Джаксон

ХОЛЬМГАРДСФАРИ, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО

С.И. Лучичкая

ПУТЕШЕСТВИЕ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ В XII–XIII вв.: ОЧЕРК ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

О.И. Тогоева

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК МИССИЯ В ЭПОПЕЕ ЖАННЫХ Д’АРК.....

А.А. Пименова

ПУТЕШЕСТВЕННИК, “ФИЛОСОФЫ” И “ДОБРЫЕ ДИКАРИ”: ЭКСПЕДИЦИЯ Ж.-Ф. ДЕ ЛАПЕРУЗА, 1785–1788 гг.

С.Е. Федоров

“УВИДЕТЬ ПАРИЖ И...”: ПУТЕВВЫЕ ЗАМЕТКИ ЮНОГО АНГЛИЧАНИНА

А.В. Лазарев

ПАРИЖ ИНОСТРАНЦЕВ ЭПОХИ ARS ARODEMICA (1570–1670).....

М.В. Лескинен

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОДНОЙ СТРАНЕ: ОПИСАНИЕ КАК СПОСОБ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ. ФИНЛЯНДИЯ И ФИННЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ З. ТОПЕЛИУСА

Г.П. Мельников

“ИЗ ЧЕХИИ АЖ НА КРАЙ СВЕТА”: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНТЕНЦИИ МАЛОГО НАРОДА

К.А. Левинсон

ОБ ОДНОЙ ВЫПАВШЕЙ СТРАНИЦЕ ЧЕЛЮСКИНСКОЙ ЭПОПЕИ..

А.В. Толстиков

ИСПЫТАНИЕ ТЕРПЕНИЯ: ПОЭТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗЛОКЛЮЧЕ-
НИЙ ШВЕДСКОГО ПОСОЛЬСТВА В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVI в...

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

ПИСЬМО В.Я. ПРОППА И.П. ЕРЕМИНУ О “ПОВЕСТИ ВРЕМЕН-
НЫХ ЛЕТ” (*Предисловие и публикация Б.С. Кагановича*).....

О ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ. ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ НА ЗАСЕ-
ДАНИИ СЕКТОРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ В ИНСТИТУТЕ
ИСТОРИИ АН СССР, 1949 г. (*Предисловие и публикация А.Р. Горяинова*) ..

И.Г. Галкова

СОН РАЗУМА.....

Ю.П. Зарецкий

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТУЗЕМЦА

К.А. Левинсон

ПОЧЕМУ Я НЕ КОММЕНТАТОР.....

И.Г. Галкова

О ТУЗЕМНОМ НАСЛЕДСТВЕ.....

О.Е. Кошелева

ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙ-
СКОГО.....

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ж.-К. Шмитт

ЕХЕМРЛА И ВРЕМЯ (*перевод с французского И.Г. Галковой*).....

М.РН Майзульс

РЕАЛЬНОСТЬ СИМВОЛА И СИМВОЛ РЕАЛЬНОСТИ В ВИЗИОНЕР-
СКОМ ОПЫТЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

РЕЦЕНЗИИ

К.Ю. Ерусалимский

МЕЖДУ КАНОНИЗИРОВАННЫМИ И ДЕМОНИЗИРОВАННЫМИ:
ТЕРРОР ИВАНА ГРОЗНОГО В КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ (*рассуждения над книгой А.А. Булычева*)

<i>Булычёв А.А.</i> Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
“ОЧИСТИТЕЛЬНЫЙ ОГОНЬ” В СРЕДНЕВЕКОВОМ НЕМЕЦКОМ ИСКУССТВЕ.....	
<i>Вегман С.</i> На пути к небу. “Очистительный огонь” в немецком средневековом искусстве. Кёльн; Веймар; Вена, 2003.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
СЛОВО-ОБРАЗ-ТЕКСТ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ	
<i>Кургиманн М.</i> Слово-образ-текст. Исследования о медиальности в высокое Средневековье и раннее Новое время. Баден-Баден, 2006–2007. Т. 1–2	
<i>М.Ю. Парамонова</i>	
НОВАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, НАПИСАННАЯ ИСТОРИКОМ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
<i>Боргольте М.</i> Христиане, иудеи и мусульмане. Наследие Античности и подъем Запада. 300–1400 гг. Мюнхен, 2006.....	
SUMMARIES.....	
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	

CONTENTS

TRAVEL AS CULTURAL AND HISTORICAL PHENOMENON

A.V. Tolstikov, O.Ye. Kosheleva

HOMO VIATOR

A.V. Podossinov

TRAVELLING THE ANCIENT ECUMENE: THE STRUCTURE
PRINCIPLES OF GEOGRAPHICAL DESCRIPTION IN POMPONIOUS
MELA'S *DE CHOROGRAPHIA*.....

F.V. Prokofiev

ALLEGORY AND REALITY IN *NAVIGATIO SANCTI BRENDANI*.....

T.N. Jackson

THE TRAVEL FORMULA' OF ICELANDIC SAGAS.....

S.I. Luchitskaya

TRAVELLING TO THE HOLY LAND IN THE TWELFTH AND
THIRTEENTH CENTURIES: A STUDY IN THE HISTORY
OF EVERYDAY LIFE

C.I. Togoeva

TRAVEL AS MISSION IN THE JOAN OF ARC EPIC

L.A. Pimenova

THE TRAVELER, THE 'PHILOSOPHERS' AND THE 'GOOD SAVAGES':
JEAN-FRANÇOIS DE LA PÉROUSE'S EXPEDITION OF 1785–1788....

S.Ye. Fyodorov

"TO SEE PARIS AND...": A YOUNG ENGLISHMAN'S TRAVEL
DIARY.....

A.B. Lazarev

PARIS AS VIEWED BY FOREIGNERS IN THE TIME OF *ARS*
APODEMICA (1570–1640)

M.V. Leskinen

TRAVELLING THROUGH ONE'S OWN HOME COUNTRY:
DESCRIPTION AS A MEANS OF REPRESENTING THE NATION.
FINLAND AND THE FINNS AS DEPICTED BY ZACHARIAS
TOPELIUS

G.P. Melnikov

'FROM BOHEMIA TO THE ENDS OF THE EARTH'? A SMALL
NATION'S GLOBAL INTENTIONS.....

K.A. Levinson

A LOST PAGE OF THE *CHELYUSKIN* EPIC

A.V. Tolstikov

A TEST OF PATIENCE: A POETICAL DESCRIPTION OF THE
TRIBUTATIONS SUFFERED BY A MID-SEVENTEENTH CENTURY
SWEDISH EMBASSY TO RUSSIA

HISTORIAN AND TIME

VLADIMIR PROPP'S LETTER TO IGOR YEREMIN (*B.S. Kaganovich's
publication*)

ON TRADITIONALISM. PAPER PRESENTED BY NINA SIDOROVA
AT A MEETING OF THE DEPARTMENT OF THE HISTORY OF THE
MIDDLE AGES, INSTITUTE OF HISTORY, ACADEMY OF SCIENCES
OF THE USSR, IN 1949 (*Publication and introduction by A.N. Gorvainov*)

I.G. Galkova

THE SLEEP OF REASON

Yu.P. Zaretskiy

FROM THE NATIVE POINT OF VIEW.....

K.A. Levinson

WHY I AM NOT TO COMMENT ON THIS

I.G. Galkova

ON NATIVE HERITAGE

O.Ye. Kosheleva

NINA SIDOROVA'S PAPER AND THE HISTORY OF THE RUSSIAN
STATE.....

THE RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES

J.-C. Schmitt

EXEMPLA AND TIME.....

M.R. Maizuls

THE REALITY OF SYMBOL AND THE SYMBOL OF REALITY
IN THE VISIONARY EXPERIENCE OF THE MIDDLE AGES

REVIEWS

K.Yu. Yerusalimskiy

CANONIZED OR DEMONIZED: IVAN THE TERRIBLE'S TERROR
AS INTERPRETED IN TERMS OF CULTURAL SYMBOLS

Bulychov A.A. Between saints and demons. Notes on the postmortem fate
of persons persecuted by Ivan the Terrible. Moscow, 2005.....

S.I. Luchitskaya

'THE PURIFYING FIRE' IN GERMAN ART

Wegmann S. Auf dem Wee zum Himmel. Das Fegefeuer in der deutschen Kunst
des Mittelalters. Köln – Weimar; Wien, 2003

S.I. Luchitskaya

WORD–IMAGE–TEXT IN THE MEDIEVAL CULTURE

Curschmann M. Wort–Bild–Text. Studien zur Medialität des Literarischen
in Hochmittelalter und früher Neuzeit. 2. Bde. Baden-Baden, 2006–2007

M.Yu. Paramonova

A HISTORY OF THE MIDDLE AGES WRITTEN BY A GLOBALIZATION
ERA HISTORIAN

Borgolte M. Christen, Juden, Muselmanen. Die Erben der Antike und
der Aufstieg des Abendlandes 300 bis 1400 nach Christus. München, 2006

SUMMARIES.....

SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....

С.И. Лучицкая

ПУТЕШЕСТВИЕ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ
В XII–XIII ВВ.:
ОЧЕРК ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Вначале попытаюсь дать самое общее универсальное определение путешествия. Под путешествием я понимаю перемещение в географическом пространстве на значительные расстояния к еще не изведенным и малоизвестным путникам целям (странам, местностям, географическим пунктам и пр.). Путешествие – явление внеповседневное, оно означает прерывание повседневности, пресечение культурной границы, выход за пределы собственного мира и столкновение с иным и чужим.

Мотивы путешествия могут быть разные – познавательные, научные, благочестивые, практические. Речь может идти о научной экспедиции, религиозной миссии, торговой поездке, военном походе, поездке с образовательной целью или с целью отдыха и развлечений. Продолжительность путешествия может варьировать, но, безусловно, оно всегда предполагает возвращение. По мнению Ф. Артога, автора исследования о каноническом путешествии Одиссея, невозможно разделить путешествие и возвращение¹.

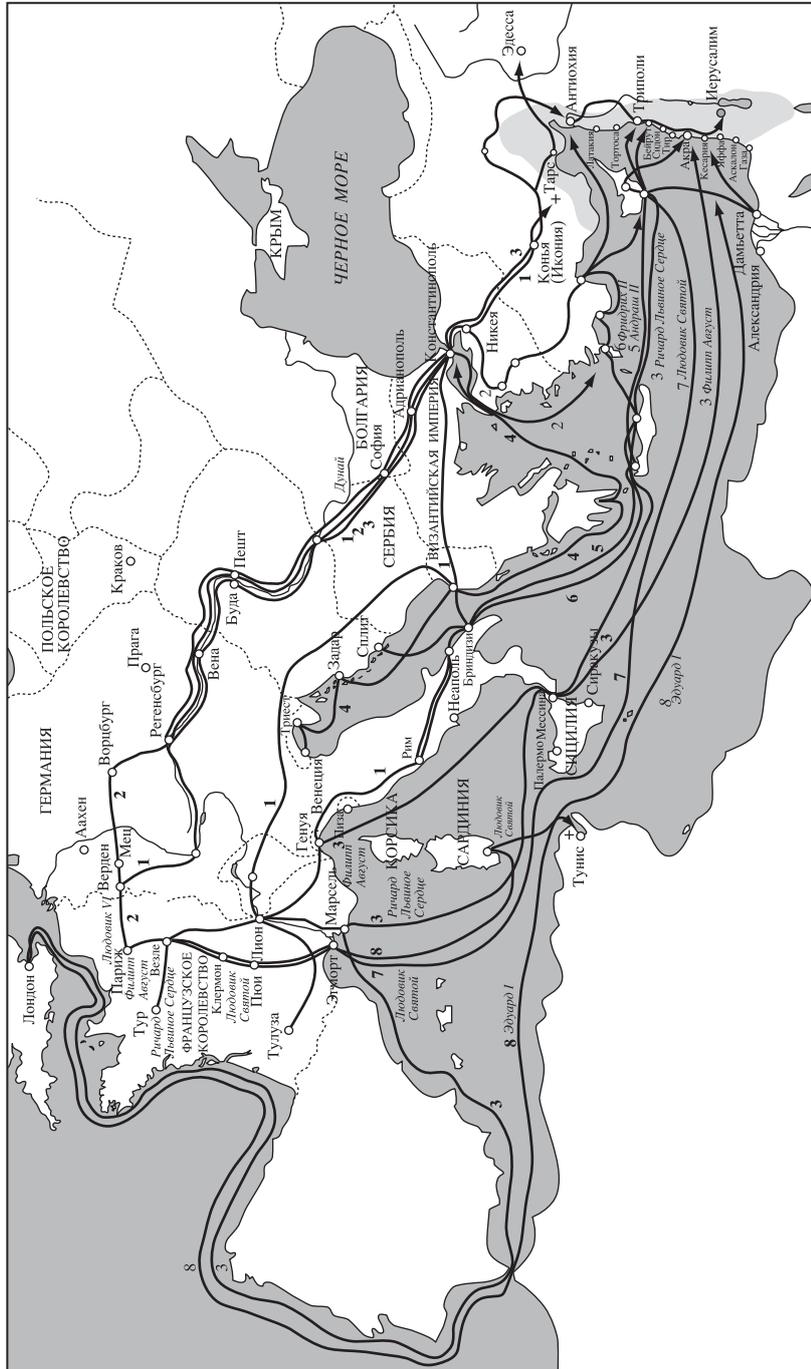
Ниже речь пойдет прежде всего о средневековых путешествиях. В Средние века виды путешествий были самыми разнообразными: торговые поездки, военные походы, поездки средневековых правителей по своим владениям и пр., но все же наиболее популярной и уважаемой формой путешествия в то время были паломничества к христианским святыням. Главным мотивом таких путешествий было удаление от грешных мест к святым. В Средние века всякое перемещение в географическом пространстве было отмечено религиозно-нравственными представлениями. В соответствии с ними и путешествие рассматривалось как перемещение по “карте” морально-религиозных координат². Соответственно оно могло привести к увеличению святости (в случае посещения святых мест), но могло быть и сомнительным в религиозном и моральном смысле (в случае посещения нехристианских земель) — тогда путешествие рассматривалось как своеобразное антипаломничество.

Символическое восприятие пространства разрушается и заменяется представлением о нейтральной географической протяженности лишь с течением времени. В позднее Средневековье характер путешествия определялся уже не столько спиритуальными, сколько прагматическими ценностями, а также стремлением к познанию мира, жадой новых знаний и впечатлений³.

Изучая средневековые путешествия, я обращаюсь к истории крестовых походов, главным образом к путешествиям в Святую землю в XII–XIII вв. Как мне представляется, именно эта эпоха реализовала идею *Homo Viator*⁴. Во времена крестовых походов вся латинская Европа была захвачена идеей движения, перемещения. Огромное число людей выходило за границы знакомого мира, стабильное средневековое общество развивало значительную мобильность, осваивая доселе неизвестные пространства. Какие испытания и препятствия подстерегали средневековых людей на этом пути? Какие материальные трудности они испытывали во время путешествий? Как они воспринимали пространство и какими практическими способами его осваивали? — Вот те вопросы, которые предполагается рассмотреть в этой работе.

В настоящей статье я предполагаю сосредоточиться на повседневной жизни путешественников. Ведь помимо познавательного аспекта практика путешествия подразумевает и другой: во время странствий путнику приходится каждодневно налаживать свой быт, преодолевать различные препятствия, материальные и прочие трудности. Вот об этой банальной стороне средневекового путешествия мне и хотелось бы рассказать в настоящей статье.

Для освещения этой темы мы можем воспользоваться записками паломников XII–XIII вв. — Теодорика, Зевульфа, Иоанна Вюрцбургского и др, итинерариями и описаниями Святой земли⁵. Правда, эти источники сообщают прежде всего о морских путешествиях в Святую землю, и к тому же мы находим в них лишь перечисление географических пунктов — названия греческих островов, городов Ближнего Востока — и рассказы о центрах паломничества в Палестине — Иерусалиме, Вифлееме и Назарете — с описанием находящихся там христианских святынь⁶. К сожалению, среди опубликованных источников почти нет таких, в которых бы сообщалось, какими именно путями шли к Святой земле путешественники, будь то отдельные паломники или группы пилигримов. Но зато пути массовых паломничеств в Святую землю, а скорее пути вооруженных паломников, описаны достаточно подробно в хорошо известных источниках — хрониках крестовых походов⁷. Конечно, они не являются записками путешественников в собственном смысле слова, но все же содержат немало ценных сведений о том, как средневековые люди преодолевали пространство на пути к Гробу Господню⁸. Французский исследователь Э. Мартен писал о том, что хронисты в большей степени подвержены стереотипам в сравнении с путешественниками, оставившими живые и точные описания стран, через которые они проходили⁹. Но особенность хроник крестовых походов (и прежде всего тех, которые написаны

Илл. 1. Маршруты крестовых походов

очевидцами) как раз в том и состоит, что они находятся на грани разных жанров – хроник и описаний путешествий¹⁰. Для освещения избранной нами темы мы располагаем еще одним типом источников – так называемыми “директориями” (*directoria*), или “маршрутами”, описывающими переход через Средиземное море (*passagium*). В частности, мы можем обратиться к Псевдо-Броккару¹¹, который путешествовал по Азии и Африке и в 1332 г. представил Филиппу Красивому проект крестового похода в трактате под названием “*Directorium ad passagium faciendum*”.

Реконструируя повседневную жизнь крестоносцев XII–XIII вв. по хроникам и запискам путешественников, мы будем иметь в виду, что их описания окрашены социо-культурными представлениями. Авторы видели и фиксировали в своих сочинениях преимущественно то, что им подсказывала их культура. Поэтому речь пойдет не столько о реалиях повседневной жизни путников, сколько о восприятии этих реалий средневековыми людьми¹².

Итак, обратимся к рассказам хронистов и паломников. Благодаря им мы можем с некоторой точностью восстановить перипетии путешествия, особенно передвижения по Балканам¹³. Паломники идут вдоль Дуная к Константинополю, через страны Центральной Европы, и далее продолжают путь по Малой Азии – к Антиохии и Иерусалиму. Путешествие в Святую землю воспринимается ими как долгое, трудное и опасное. “Многие не выдерживали тягот пути (*labore recusato*), – рассказывает хронист Фульхерий Шартрский, – и на разных этапах – из Рима, Апулии, Венгрии, Далмации – возвращались домой; многие заболели в дороге и прощались с жизнью, и повсюду – в полях, лесах, рощах – видны были могилы наших паломников”¹⁴. Раймунд Ажилский говорит о “больших трудностях пути” (*multam difficultatem itineris*), которые крестоносцы при этом “старательно взвешивали”¹⁵. Тяготы пути отождествляются средневековыми писателями с неблагоприятными природно-климатическими условиями. Зима 1096–1097 гг., когда первые крестоносцы отправились в путь, была особенно суровой. По словам Раймунда Ажилского, крестоносцы вошли в Далмацию, “претерпев тяготы пути, главным образом, из-за зимы”¹⁶. На протяжении всего похода крестоносцы находились в непривычной для них природной среде, страдали от холода и жары, испытывали на себе действие необычных атмосферных явлений. Многие из этих явлений навсегда остались в их памяти. Восстанавливая по хроникам и устным рассказам подробности перехода паломников через Венгрию, Гийом Тирский позже написал: “Эта земля покрыта ручейками, реками и болотами, и иногда из-за этого поднимается такая влажность, облака до того

пропитываются этими испарениями, что можно задохнуться”¹⁷. В пути их часто подстерегали дожди и туманы, которые они воспринимали не без чувства паники. Во время 40-дневного марша по Далмации участников Первого крестового похода “атмосфера была проникнута такими туманами и такими почти осязаемыми потемками, – рассказывал Гийом Тирский, – что те, кто следовали по пятам, едва могли узнать следы тех, кто шел впереди, и в свою очередь не могли различить предмет в пределах расстояния броска камня”¹⁸. Очевидец похода Раймунд Ажилский сообщает, что туманы были столь густы, что путники “могли все это время дотрагиваться до них и отодвигать от себя движением рук”¹⁹. Нам не дано знать, насколько реалистичными были эти описания природных явлений. Ясно одно – природа и климат неизвестных путешественникам стран воспринимались ими субъективно и нередко вызывали страх.

В пути паломников часто застигали дожди, которые иногда превращались в настоящее бедствие. Описавший события Второго крестового похода Одо Дейльский рассказывает примечательный эпизод: немецкие рыцари, пройдя долгий путь через Болгарию и оказавшись во Фракии, решили остановиться на ночной привал в городе Сестос, на берегу пролива Дарданеллы, с тем чтобы утром переправиться на другой берег. Но ночью пошел такой сильный ливень, что мощные потоки воды снесли все их палатки вместе с содержимым и унесли к морю и утопили тысячу человек²⁰.

Скорость передвижения войска зависела, несомненно, от состояния дорог и средств транспорта. Об этом можно найти немало рассказов в хрониках крестовых походов. Проблема транспортных средств – одна из главных трудностей, которую, судя по хроникам и запискам паломников, приходилось преодолевать путешественникам. Хороших дорог было мало, еще меньше было мостов. При переправах через реки крестоносцы испытывали недостаток в лодках и судах. Навигация была слабо развита даже на больших реках, и рыцари Христовы должны были постоянно изыскивать способы переправиться через водные потоки. Так, во время Первого крестового похода воины Готфрида Бульонского, оказавшись в Венгрии, пересекли реку Драву на плотках, которые они тут же соорудили из ивовых прутьев²¹. Точно так же через Саву часть рыцарей из многочисленного крестоносного войска переправилась на трех барках, найденных на берегу, остальные же вновь должны были соорудить плоты из ивовых ветвей²².

Когда крестоносцы пересекли Балканы и Болгарию и продолжили путь по Греции, они столкнулись с теми же проблемами, пересекая горные потоки. При этом трудности пути часто восприни-

мались ими символически, как наказание за проступки. По пути от Филадельфии к Деметрии, – рассказывает Одо Дейльский, – рыцарям приходилось многократно переходить вброд бурный и стремительный горный поток, который так набухал при слабейшем дожде, что “никто из нас не мог пройти ни вперед, ни назад, и каждый из нас прощался с жизнью, оплакивая прежние грехи”²³. Судя по многочисленным свидетельствам Одо Дейльского, горные потоки часто встречались на пути рыцарей, и если при этом выпадал дождь или снег, то “не было никакой возможности перейти их ни пешком, ни на лошадях”²⁴.

Позже, во времена Второго крестового похода, в Венгрии благодаря заботам германского императора было построено много мостов, и тем не менее нередко паломникам приходилось переходить реки вброд, в том числе ту же самую Драву²⁵. Во время переправы тяжеловооруженные немецкие рыцари не заметили, что один берег Дравы пологий, а другой крутой, и жестоко расплатились за свою неосмотрительность – большая часть их потонула. Последовавшие же за ними более осторожные крестоносцы из войска французского короля Людовика VII переплыли реку на своих маленьких лодках, но с трудом переправили через коварную реку лошадей²⁶.

С другой стороны, когда в распоряжении войска оказывались мосты и средства переправы, крестоносцы становились жертвами своей алчности. Так случилось с французскими рыцарями во время Второго крестового похода. Около Регенсбурга все они перешли Дунай по прекрасному мосту и на другом берегу обнаружили большое количество судов. На них рыцари перевезли свой скарб и переправили войско к берегам Болгарии. Но некоторые, – рассказывает французский хронист Одо Дейльский, – поместили на суда повозки, запряженные двумя (биги) или четырьмя (квадриги) лошадьми, надеясь наполнить их припасами в болгарских землях и тем возместить прежние расходы. Однако их надеждам не суждено было осуществиться – в Болгарии повозки только затрудняли их продвижение вперед, они загромождали пути, часто вызывая вынужденные остановки и усиливая общую сумятицу. И все жаловались на медленность продвижения, – подытоживает Одо²⁷.

Среди прочих трудностей хронисты отмечают недостаток провизии. Голод постоянно преследует крестоносцев, и они используют все средства для добычи пищи, не гнушаясь ни грабежом, ни мародерством. На страницах своих сочинений хронисты говорят об этом достаточно откровенно. По словам Одо Дейльского, описавшего крестовый поход Людовика VII, “многие отряды, которые шли впереди короля или следовали за ним, в изобилии добывали

себе съестное либо на рынке, либо грабежом”²⁸. Голод и стычки с местным населением приводят к потерям в войске крестоносцев. Не случайно Раймунд Ажилский, рассказав о пути через Далмацию, со вздохом облегчения написал: “В конце концов, Божьей милостью, трудами и советами епископа так перешло войско, и никого мы там не потеряли из-за голода или стычек”²⁹.

Хронисты крестовых походов не скрывают, что продвижение крестоносцев по Центральной Европе и Балканам действительно порой оборачивается подлинным бедствием для местных жителей. В 1096 г. воины Готье Неимущего грабят жителей Болгарии – в результате разгорается конфликт, и болгары запирают 140 крестоносцев в церкви и сжигают их: остальные спасаются бегством³⁰. Проходившие за Готье немецкие и французские участники похода бедноты под предводительством Петра Отшельника решают отомстить за товарищей и устраивают резню венгров. Примечательно, что жертвами крестоносцев становятся братья по вере, христиане – болгары и венгры, но франки воспринимают их как язычников и своих врагов и жестоко расправляются с ними. Следующие за Петром Отшельником тевтонские рыцари под предводительством Готшалка, изрядно выпив, нападают на местных жителей, только что снабдивших их продуктами, разоряют их дома и убивают их³¹. Эти конфликты с местным населением, по собственному признанию хронистов, не только существенно затрудняют марш воинов, но и закрывают для следующих за ними крестоносцев уже проторенные пути. И даже лояльный по отношению к крестоносцам Гийом Тирский вынужден признать: “Самый прямой путь, который проложили те, кто первыми прошли по Венгрии, был вскоре совершенно закрыт, из-за наглости паломников и из-за всякого рода злоупотреблений, которые они несправедливо чинили местным жителям”³². И уже Готфрид Бульонский извлек из этого уроки: ступив на венгерские земли, он принял решение пойти на условия венгерского короля Коломана и даже оставил ему в заложники собственного брата Бодуэна.

Рассказы о том, какие препятствия преодолевали крестоносцы, стремясь обеспечить себя продовольствием, встречаются почти во всех хрониках. Эти описания шаблонны и не изменяются с течением времени. Они также весьма однообразны по тону и содержанию. Впрочем, некоторые из них существенно отличаются от традиционного жанра, и в них можно вычленить собственные впечатления путешественников от увиденного. Таков рассказ Альберта Ахенского о несчастном случае, имевшем место в Вифинии. Крестоносцы, — повествует хронист, — разбив палатки недалеко от Гераклеи, наслаждались видом окрестностей. Готфрид Бульонс-

Илл. 2. Первый крестовый поход. Сцена охоты

кий со своими спутниками, взяв лук и колчан и опоясав себя мечами, отправился в богатый дичью лес поохотиться³³. В лесу герцог увидел огромного страшного медведя, который напал на случайно оказавшегося там паломника. Хронист весьма живо нарисовал эту сцену. Готфрид подъезжает на коне с тем, чтобы вырвать жертву из когтей зверя³⁴. Он наносит медведю удары мечом, но разъяренный раненый зверь сбрасывает рыцаря с лошади. Готфрид тут же вскакивает на ноги и хватается мечом. Случайно мечом он ранит себе ногу, но продолжает сражаться³⁵. Подоспевший на помощь герцогу его товарищ по оружию пронзает медведя мечом, а ослабевший от потери крови Готфрид Бульонский падает наземь. Его бережно относят в лагерь, где лучшие врачи оказывают ему помощь, а шкуру убитого медведя рыцари делят между собой³⁶. Это лишь один небольшой эпизод из жизни путешественников, направлявшихся в Святую землю.

Описание пространства, в котором перемещаются крестоносцы, отмечено стереотипами – лес, горы, пустыни и реки упоминаются чаще всего среди препятствий, которые приходится преодолевать путешественникам. Можно даже говорить об особой риторике, к которой прибегают хронисты, рассказывая о марше крестоносцев: на их пути постоянно встречаются пустынные места (*loca deserta*), густые леса (*sylvae condensae*), крутые горы (*montes*

abrupta). Особое значение имеет такой топос, как пустыня. Речь идет о пространстве безлюдном и не отмеченном цивилизацией – пустыня была реальностью и географической, и символической одновременно. Как известно, в Средние века в качестве пустыни могли восприниматься и леса, и горы³⁷. Все хронисты, описывая путь крестоносцев через Балканы, отмечают безлюдность, необитаемость этих краев. “Таким образом, – пишет Фульхерий Шартрский, – через *крутые горы* (здесь и далее курсив мой. – С.Л.) и довольно *пустынные места* мы прибыли в Болгарию”³⁸. Раймунд Ажилский, рассказывая о переходе через Далмацию, замечает, что это “*земля пустынная и непроходимая*, гористая, где за три недели мы не видели ни диких зверей, ни пернатых”³⁹. Гийом Тирский, описывая марш войск немецкого рыцаря Готшалка через Венгрию, отмечает недоступность, безлюдность и оторванность этого региона от общества и цивилизации, выделяя все те же качественные характеристики пространства: “Королевство Венгрии окружено болотами и большими реками, вследствие чего недоступно, так что если бы не некоторые проходы, и те чрезвычайно узкие, то не войти в него, не выйти”⁴⁰. Все эти описания построены по принципу противопоставления культуры природе.

Другой важный топос описания путешествий в Святую землю – горы; этим топосом отмечены рассказы о марше и через Балканы, и через Малую Азию. В подобных описаниях трудно развести по разным полюсам культурно-географическую реальность и внешнюю реальность природы. Аноним и Тудебод оставили весьма живые рассказы о переходе крестоносцев через Антитавр: миновав Коксон, рыцари подошли в “*дьявольской горе*”, которая была так высока и узка, что вдоль нее пройти по узкой тропинке было невозможно. По словам хронистов, лошади кубарем летели вниз, а вьючные животные скатывались одно за другим⁴¹. При виде всех этих трудностей крестоносцы впали в отчаяние: “рыцари стояли совсем грустные, – пишет Тудебод, – и всплескивали руками от чрезмерной печали и огорчения”. Воинам пришлось продать за бесценок свои панцири, шлемы и щиты, чтобы освободиться от лишней ноши⁴². Облегчение они испытали только тогда, когда, по их словам, вышли “из проклятой горы” (*de execrata montanea*) к городу Мараш⁴³.

Крестоносцам свойственно субъективное восприятие природы. Так, Одо Дейльский сообщает, что во время перехода по Южной Баварии ему казалось, что это край труднопроходимый, суровый и чрезвычайно гористый. Когда же крестоносцы продолжили путь по Дакии, Бавария в сравнении с ней показалась им равниной⁴⁴. На самом деле, румынские Карпаты не более крутые, чем

баварские Альпы, но в восприятии крестоносцев происходит определенное смещение фокуса. Иногда горы действительно олицетворяют тяготы пути. Фульхерий пишет о том, как паломникам пришлось осознать предстоящие трудности, как только они увидели “верхушки гор, покрытых облаками, – гор, которые еще предстояло перейти”⁴⁵.

Горы для крестоносцев – *terra incognita*, незнакомое пространство, вызывающее страх. Об этом свидетельствуют рассказы Одо Дейльского. Во время перехода по Греции, на пути к Деметрии, крестоносцы пересекали горы, покрытые скалами, столь непроходимые и крутые, что паломники, пытаясь обойти их, приближались, по словам хрониста, “то к звездам, то к аду”⁴⁶. О переходе через горные кряжи неподалеку от малоазийского города Лаодикеи Одо пишет: “Гора была такая крутая и покрыта скалами, мы должны были подниматься по ней по крутому скату, ее вершина, как нам казалось, достигает небес, и поток, который протекал в глубине долины, казалось, находится по соседству с адом”⁴⁷. Одо рисует картину, как люди и вьючные животные, увлекая все за собой, падают в глубину пропасти. “Скалы беспрестанно передвигались, – пишет хронист, – и люди, которые разбежались в поисках лучших дорог, рисковали свалиться в пропасть”⁴⁸.

Вообще в описаниях гор, пустынь, лесов и рек хронистами мы наблюдаем постоянное колебание между географической реальностью и ее символическим значением, между образом воображаемым и реальным. Поскольку паломники в Святую землю воспринимали мир как проявление внешних опасных сил, то даже такой банальный факт, как переправа через реку, воспринимался как чудо. Так, во время марша по Фракии, как пишет Одо Дейльский, крестоносцы на пути к Пергаму перешли вброд три реки подряд, и тотчас же после этого начались непрерывные дожди, и реки так набухли, что перейти их было уже невозможно. “Было поэтому сочтено чудом (*unde habebatur pro miraculo*) и чем-то необыкновенным, что дожди и зима нас пощадили”⁴⁹.

Во время перехода через Болгарию крестоносцам предстояло перейти через бурную реку Вардар, которую, как сообщают хронисты, местные жители называли “рекой Демона”. Эта стремительная бурная река, по свидетельству крестоносцев, внушала им огромный страх⁵⁰. Простые солдаты попытались перейти реку вброд, но первые же путники были снесены стремительным потоком и утонули, и если бы не помощь рыцарей с их ловкими лошадьми, то эта плачевная участь постигла бы и всех остальных воинов Христовых. Много “набожных слез” было пролито по поводу этого случая, – сообщает хронист⁵¹, так что несчастный

случай побудил путников к благочестивым размышлениям. В путешествии к Святой земле паломники преодолевают внушающее страх незнакомое пространство и осмысливают свой путь в ценностных категориях.

Постепенно освоение новых территорий приводило к тому, что путешественники начинали воспринимать пространство как физическую данность и измерять его. Это происходит уже во время Первого крестового похода. Как это типично для средневековой эпохи, крестоносцы измеряют пространство при помощи времени. Вот пример. Раймунд Ажилский и Гийом Тирский фиксируют, что всего за сорок дней путники прошли через Далмацию и достигли албанского города Шкодер, а потом и Дураццо⁵². Фульхерий Шартрский записывает в своей хронике, что путь от Фессалоник до Филиппополя занял четыре дня⁵³. Иногда хроники пытаются измерить протяженность территории балканских стран. Так, Гийом Тирский, стремясь пояснить читателю, сколь обширна земля Болгария, сообщает, что она занимает огромную территорию от Константинополя до Адриатики, которая в длину измеряется тридцатью днями марша, а в ширину – большее чем десятью⁵⁴. Но чаще всего о размерах территории, о расстояниях между пунктами сообщает Одо Дейльский. В своем повествовании он специально отмечает, что, например, германские города – Метц, Вормс, Вюрцбург и др. – находятся всего лишь в трех днях пути друг от друга, что от Пассау до Нойбурга-на-Дунае – пять дней, а оттуда до Венгрии только один день марша⁵⁵. Описывая путь по Греции, он фиксирует, что Филиппополь и Адрианополь находятся в четырех днях пути от друг друга, а от Адрианополя до Константинополя пять дней пути⁵⁶. Одо Дейльский вполне сознает ценность сообщаемых им сведений и их важность для будущих паломников. “Во всем, что мы пишем, – сообщает он читателям, – мы напомним ради доброго примера славные деяния, названия городов, чтобы познакомить с маршрутом, а для сведения путешественников расскажем о состоянии регионов. Ведь никогда не оскудеет число путешественников к Гробу Господню, и они, узнав о наших делах, будут, если им угодно, более осмотрительны”⁵⁷.

Возможно, для сведения будущих путешественников хронисты часто обращают внимание читателя на географические детали. В их сочинениях мы находим описания разных стран и городов⁵⁸, а также рассказы о климате, рельефе и природе, но они подчас чрезвычайно утилитарны. Путники чаще всего равнодушны к тем аспектам реальности, которые лежат за пределами их непосредственного интереса и насущных проблем. Так, Петр Тудебод начинает свой рассказ о Болгарии с упоминания того факта, что крес-

тоносцы нашли там провиант для армии – много зерна и вина⁵⁹, так же и Одо Дейльский и другие хронисты обращают внимание на подобные факты⁶⁰. Но все же хронисты упоминают названия городов и населенных пунктов, описывают их местоположение, рисуют сменяющие друг друга пейзажи – озера Венгрии, холмы Болгарии, скалы и горы Малой Азии, делятся своими впечатлениями от увиденного. Хронисты Первого крестового похода еще довольствуются схематичными описаниями городов и стран. Так, Гийом Тирский описал Венгрию как страну, “окруженную болотами и большими реками”⁶¹. Он же сообщил и о Дакии, упомянув, что эта страна делится на прибрежную и средиземноморскую Дакию со столицей в городе Стралица⁶². Подробные описания другой страны, через которую шли паломники, – Далмации, как мы уже знаем, оставили Раймунд Ажилский и Гийом Тирский; последний к тому же уточняет, что эта страна простирается на обширной территории между Венгрией и Адриатическим морем⁶³.

Конечно, в целом сведения хронистов о народах Балканского полуострова фрагментарны и однообразны. Но тон их повествования меняется, когда речь заходит о Византии. Так, Фульхерий Шартрский в своем сочинении произносит настоящий панегирик знаменитой византийской столице: “О, какой благородный и красивый город! Сколько в нем монастырей, сколько дворцов, чудесных творений, созданных с поразительным старанием! ... Надоест перечислять, какое там изобилие богатств, а именно золота, серебра, разнообразных палиев, реликвий...”⁶⁴.

Но из всех хронистов наибольшую “чувствительность” к географии проявляет, несомненно, Одо Дейльский. Его рассказ начинается с описания Германии – богатых рейнских городов⁶⁵, далее следуют рассказы о Баварии с ее реками, источниками и лугами⁶⁶, о Венгрии с ее полноводной рекой Дунаем⁶⁷. Венгрия для него – страна озер и источников. Как рассказывает хронист, она делится рекой Дравой на две части, причем со стороны Болгарии Венгрия граничит со светлой рекой, а с другой – окружена мутными водами⁶⁸. В его сочинении мы находим и не менее живые реалистичные зарисовки Болгарии – ее лесов с пастбищами, покрытой холмами равнины, орошаемой множеством очень чистых ручейков. Попутно Одо Дейльский отмечает, что земля в Болгарии чрезвычайно плодородна и пригодна для выращивания зерна и винограда, а также других культур⁶⁹. Много реалистических деталей сообщает он и о территории между Западной Болгарией и Грецией: по его словам, это “плодородная и приятная равнина” (*dives et jucunda planities*), “изобилующая всякими благами” (*omnibus bonis rebundantia*), простирающаяся между горами⁷⁰. Вообще по словам

Одо, этот край – “прекраснейшая и богатейшая земля, которая расстилается до самого Константинополя”⁷¹. Как и хронисты Первого крестового похода, Одо Дейльский восхищается Константинополем с его церквами, Влахернским дворцом, Софийским собором и реликвиями – он называет город “славой греков”⁷². Примечательно, что такое восторженное отношение к византийской столице у хронистов с откровенно враждебным в целом отношением к грекам⁷³.

Но хронисты проявляют интерес не только к географии, рассказывая о климате, рельефе, природе разных стран, городах и их достопримечательностях, но и к этнографии; пожалуй, впервые в западноевропейской средневековой историографии в хрониках даются зарисовки образа жизни и нравов жителей Центральной Европы. Как же хронисты выстраивают образ Другого, рассказывая о народах Балкан? В этих описаниях, отразивших, как правило, сугубо прагматическое отношение крестоносцев к другим народам, противопоставляются “варварство” и “цивилизация”. Своя культура воспринимается здесь как единственно возможная, собственно культура – ей противостоит “некультура” балканских народов, их зверские обычаи, их варварский язык, их незнакомство с достижениями цивилизации. При этом латиняне, как и описывающие их походы хронисты, полностью игнорируют то обстоятельство, что жители Болгарии, Венгрии и Далмации к моменту Первого крестового похода уже были обращены в христианство. Вот пример. Раймунд Ажильский говорит о “разбойничьих нравах” жителей Далмации, подразумевая при этом их нежелание торговать с крестоносцами и обеспечивать их войско провиантом, а также в целом враждебное отношение к рыцарям Христовым. “Жители края, – пишет хронист, – до такой степени просты и грубы (*agrestes et rudes*), что не желали ни торговать с нами, ни служить нам проводниками, но убегали из деревень и замков и убивали следующих за войском стариков и немощных”⁷⁴. По его словам, рыцарям-крестоносцам было нелегко преследовать безоружных бандитов (*latrones inermes*), хорошо знавших окрестности и прятавшихся по *высоким горам и густым лесам* (*per abrupta montium et condensa sylvarum*). Все же благочестивому графу Раймунду Тулузскому удалось поймать шестерых из “варваров”, и он поступил с ними так, как и подобало человеку “цивилизованному” поступить с “дикарями”, – одним выколол глаза, другим отрубил руки и ноги⁷⁵.

Для Гийома Тирского жители Далмации однозначно являются варварами. Эта страна, – пишет Гийом, – населена свирепым народом, который добывает себе пропитание грабежами и убийс-

твами. Особенности природных условий – обилие гор, лесов, рек и пастбищ – не располагают жителей к занятиям сельским хозяйством, и это также черта их варварского образа жизни⁷⁶. К тому же эти жители говорят на варварском, с точки зрения Гийома, т.е. славянском, наречии. В то же время народы, населяющие Далмацию, различаются по степени варварства: так, те, кто расселены по морским берегам, отличаются, по мнению хрониста, от других по языку и нравам – они говорят по-латыни⁷⁷. Знание латыни для средневекового писателя является неким критерием, позволяющим отличить “варваров” от более “цивилизованных” народов.

Описывая народы Балкан как грубых варваров, Гийом Тирский делает исключение для венгерского короля Коломана, который благосклонно принял крестоносцев. Такое гуманное отношение к латинянам хронист объясняет высокими моральными качествами венгерского правителя и называет его “христианнейшим мужем” (*vir christianissimus*)⁷⁸.

Хотя описания балканских народов строятся по принципу противопоставления “варварства” и “цивилизации”, рассказы о греках, высоко цивилизованном в глазах крестоносцев народе, мало чем отличаются от описания “варваров”⁷⁹. Подход хронистов к народам, населяющим Грецию, также в первую очередь утилитарен. Одо Дейльский обвиняет греков в их нежелании торговать с рыцарями и обеспечить их продовольствием, в их стремлении повысить цены на продукты, – так, греки, считает хронист, грабили обедневших вследствие “столь долгого путешествия” (*rauperes in tam longe itinere*), забирая у них все золото и серебро, оружие и одежду⁸⁰. Еще больше возмутило Одо Дейльского то, что в ряде городов греки и вовсе отказывались впустить рыцарей внутрь крепостных стен и предпочитали спускать им провизию в корзинах на веревке⁸¹. Поступки византийцев, их отношение к латинянам Одо характеризует не иначе как “коварство греков” (*Graecorum fraudes*)⁸² и считает важным рассказать о несчастьях рыцарей Христовых (*nostra infortunia*), дабы потомки знали о хитрых проделках греков (*Graecorum dolosa facinore*)⁸³.

Как и в описаниях “варваров” – жителей Далмации и Болгарии, – главным критерием различия между греками и латинянами являются также прежде всего “язык и нравы” (*lingua et mores*). Одо Дейльский рассказывает драматичную историю, приключившуюся с немецкими рыцарями в Греции. Они выпивали в одной из таверн в пригороде Филиппополя, когда к ним присоединился фигляр (*joculator*), *не знавший их языка* (*qui licet eorum linguam ignoraret*). Изрядно выпив (*post longam ingurgitationem*), он достал из-за пазухи дрессированную змею, поставил стакан на землю,

на него посадил змею и начал показывать разные фокусы перед теми, *с чьими нравами и языком он не был знаком* (inter eos quorum mores et linguam nesciebat)⁸⁴. “Диалог” разных культур закончился трагически. Немцы, приняв фокусы за колдовство, легко разъярились и, набросившись на грека, разорвали его в мелкие клочья. Вменяя вину одного всем, они сказали, что византийцы желали их отравить⁸⁵. Растущее волнение перекинулось из пригорода в город, и комендант поспешил к месту происшествия с целью разрешить конфликт, явившись без оружия и лишь в сопровождении свиты. Разгоряченные вином и яростью немцы набросились в гневе на тех, кто пришел с миром, думая, что те желали отомстить за убийство своего человека. Греки поспешно ретировались, а затем, вооружившись и взяв луки, вернулись назад и очистили пригород от пьяных рыцарей⁸⁶.

Так или иначе, в конфликтах и контактах с местным населением крестоносцы неизбежно знакомились с другими народами, представителями других культур и вероисповеданий, и эти встречи запечатлелись в их памяти, о чем, собственно, и свидетельствуют рассказы хронистов.

В целом можно говорить о том, что крестовые походы раздвинули интеллектуальный горизонт средневековых людей, в результате постоянных миграций и перемещений в пространстве отчасти изменилась система средневековых представлений. Конечно, стабильный средневековый мир развил еще большую мобильность, когда был освоен морской путь в Святую землю.

Итак, обратимся к описанию морских странствий путешественников.

Морской путь был в общих чертах известен уже первым паломникам в Палестину. До XI в. пилигримы, как правило, начинали свое путешествие в Святую землю из портов Южной Италии (Салерно, Тарент, Амальфи и Бари). В XII–XIII вв. путники отправлялись в Святую землю из Мессины, Марсея, Бриндизи или Барлетты. На пути в Палестину пересекали Дарданеллы, арендуя византийские суда. Другой маршрут лежал через канал Отранто (соединявший Адриатическое море с Ионическим), который паломники пересекали на норманно-сицилийских кораблях и далее плыли в Египет и Сирию⁸⁷. В 1241 г. Людовик Святой основал специальный порт Эг-Морт, который стал важнейшим транзитным пунктом в морских путешествиях к Святой земле. Из Эг-Морта на кораблях переправлялись через Средиземное море. В XIV в. псевдо-Брокар, обобщая опыт средневековых путешественников, писал, что пилигримы отправлялись в морскую экспедицию чаще всего из Эг-Морта, Ниццы или Марсея. С течением време-

ни морской путь в Палестину возобладал, и произошло это благодаря крестовым походам. Неслучайно средневековые источники называют крестовый поход “*passagium ultramarinum*”, “*passagium magnum*”, и в самом названии подчеркивается морской характер путешествия.

Немногие отваживались отправиться в морское путешествие, боясь непредвиденных бурь, ненадежности транспортных средств и других опасностей, подстерегавших паломников. Действительно, путешествие по морю было связано с огромным риском. К тому же морские экспедиции были чрезвычайно длительными по времени и зависели от разных факторов: климата, вынужденных остановок в крупных портах, времени года (зимние остановки). “Нет необходимости подвергать себя опасностям моря или зависеть от милости моряков”, – писал Гильом Рубрук св. Людовику⁸⁸. Морские стихии воспринимались символически, они могли быть добрыми и злыми, причем такое отношение к морю было характерно как для тех, кто постоянно с ним сталкивался – моряков или жителей приморских областей, так и для тех, кто не имел подобного эмпирического опыта. Как пишет историк-маринист М. Молла дью Журден, море было для средневекового человека и источником жизни, и юдолью смерти⁸⁹. С путешествиями по морю были связаны многие суеверные страхи. Морские путешествия представлялись настолько опасными, что воспринимались иногда как покаянные паломничества, поскольку на них нередко решались люди, чья совесть была отягощена грехами (*causa poenitentiae*). Прежде чем ступить на корабль, паломники долго молились, исповедывались в грехах, давали религиозные обеты. Биограф французского короля Людовика Святого (1226–1270) Жан де Жуанвиль, сопровождавший короля в Седьмом крестовом походе, описывая момент, когда королевский корабль пустился в открытое море, восклицает: “Я скажу вам, что безумно смел тот, кто решается подвергнуть себя такой опасности, если только не по причине смертного греха, потому что, засыпая вечером, не знаешь, не окажешься ли на утро на дне моря”⁹⁰.

Псевдо-Брокер подчеркивает, что именно “галлам и тевтонам трудно путешествовать по морю”, и подробно перечисляет все трудности экспедиции: морские волнения и бури, во время которых люди ощущают себя скорее покойниками, чем живыми, частая перемена погоды, зловоние моря, безвкусная и грубая, а порой дурно пахнущая и испорченная пища; теснота, нехватка мест и прочие неудобства, провоцирующие разные болезни. Присутствие на корабле лошадей, также страдающих от вонючего моря и перемены погоды, увеличивает дурной запах⁹¹. Но все же главная

неприятность, – пишет Псевдо-Брокар, – это “невероятные и неожиданные бури, из которых происходит телесная слабость, упадок сил, падает дух, вследствие чего многие задерживаются на пути к святыням (*sancte vie*) или же, начав его, возвращаются”⁹². Все, кто отправляются в море, мечтают только о благополучном путешествии и если целыми и невредимыми достигают цели, то воспринимают это как чудо. Не случайно паломник Зевульф, избежавший кораблекрушения во время путешествия, пишет: “Умоляю вас, мои любезнейшие друзья, подняв руки кверху, рукоплещите; воскликнете Богу вместе со мною гласом радования, ибо Всемогущий оказал мне милосердие во всем пути моем: да будет благословенно имя Его и ныне, и во веки!”⁹³ Другой пилигрим XIII в., знаменитый епископ Жак де Витри, участник Пятого крестового похода, также добрался до Святой земли по морю. Перед тем как сесть на корабль, он обращается в письме к своим близким: “Я, живой и невредимый, вступил вместе со своими спутниками и скарбом на корабль; вы же постоянно молитесь за меня и моих товарищей, чтобы Бог привел нас к порту города Акры”⁹⁴.

Как протекала повседневная жизнь во время морского путешествия, как готовились к нему путники? Будущий пассажир заранее арендовал место на корабле, заключая контракт с судовладельцем в Марселе, Бари и других транзитных пунктах⁹⁵, а затем запасался провизией перед долгой и опасной дорогой⁹⁶. На корабле места для пассажиров существенно различались в зависимости от их статуса и материальных возможностей. Самые удобные места на судне – так называемый парадиз – большая каюта, а также специальные надстройки – *castellum* – их две, у кормы и у носа корабля. Остальные места, распределяемые между кормой и мачтой, предназначены для более скромных паломников; багаж размещается в подводной части судна (*cumbae peregrinorum*). Паломники везли с собой съестные припасы – от муки до мальвазии, но могли пользоваться и бортовой кухней⁹⁷.

Наверное, чтобы представить себе, как паломники путешествовали по морю, лучше всего обратиться к свидетельству одного из них. К счастью для историка, до нас дошли письма Жака де Витри, в которых он делится опытом путешественника. В 1217 г. епископ прибывает в порт Геную, славившуюся своими прочными и высококачественными кораблями, – эти суда могли выходить в море даже зимой, и потому путешествие не прерывалось на сезонные остановки, к тому же зимой не портилась провизия, которой запасались пассажиры. В Генуе Жак де Витри арендовал корабль за четыре тысячи ливров. За эту сумму епископ купил для себя и своих спутников пять мест, а именно: “¼ часть верхней надстрой-

ки (castellum), где я буду принимать пищу и изучать свои книги и находиться там днем, если не будет бури, – другую комнату, в которой я буду спать ночью вместе со спутниками, еще одну каюту, в которой буду хранить свою одежду и недельные съестные припасы, и еще одну каюту для слуг, которые будут готовить мне пищу, и арендовал еще одно место, в котором помещу переправляемых мною лошадей. В нижней же части корабля (sentina) я буду держать вино, мясо и другую еду, которой мне должно хватить на три месяца”⁹⁸. Примечательно, что помимо каюты для себя и своих спутников, помещений для провизии и скарба, Жак де Витри арендовал помещение для лошадей. Как правило, на средневековом корабле действительно предусматривались помещения для лошадей, ибо путешественники часто перевозили их как средство транспорта, которое им понадобится в дальнейшем пути. Наиболее распространенный вид морского транспорта – судно *huissier* – имело специальное помещение с открывающейся дверцей, куда лошади и помещались. Жан де Жуанвиль рассказал в своих мемуарах, как происходила погрузка лошадей на такое судно: “В тот день, когда мы взошли на корабли, открыли дверь лодки, и туда поместили всех лошадей, которых мы должны были переправлять через море; и затем двери закрыли”⁹⁹. После погрузки лошадей судно может отправляться в путь. Этот момент также запечатлен в сочинении Жуанвиля: «Наш хозяин моряк (*nautonier*) окликнул своих моряков, которые находились на носу корабля, и сказал им: “Вы приготовились?” И они ответили: “Да, сир, пусть подготовятся клирики и священники”. Как только они вошли, он окликнул их: “Пойте, ради Бога!” И они все в один голос воскликнули: “*Veni, Creator Spiritus!*” И хозяин крикнул своим морякам: “Распустите паруса, Ради Бога!” И так они и поступили. И в скором времени ветер бил по парусам, и земля исчезла из виду, так что мы не видели ничего, кроме неба и воды, и каждый день ветер удаляет нас от берега...”¹⁰⁰

Историк, желающий узнать о повседневной жизни морских путешественников, ограничен содержанием документов. Как средневековые люди плавали, какие испытания им предстояли и что им приходилось пережить – об этом мы узнаем из источников весьма немного. В самом деле, Альберт Ахенский упоминает в своем сочинении о морском походе брата норвежского короля, Магнуса, который, по словам хрониста, “отбыл из своей страны в полном вооружении и, вместе с армией численностью в десять тысяч воинов, сел на сорок кораблей, нагруженных оружием, и бороздил морские просторы в течение двух лет”¹⁰¹. Но что испытали во время этого двухлетнего плавания по морям путники, как

они преодолевали препятствия, мы не знаем. Хронист лишь сообщает, что в Аскалоне Магнус сделал остановку, ожидая, что местные жители вступят с ним в бой, но те явно не обнаружили никакого желания конфликтовать со скандинавским правителем, и воинственный Магнус вынужден был отправиться в Яффу, а оттуда в Иерусалим¹⁰².

Все же некоторые острые моменты опасных путешествий нам удастся восстановить благодаря запискам паломников. Опять обратимся к письмам Жака де Витри. Как мы уже упоминали, в 1217 г., сев на корабль в Генуе, он отправился к берегам Сирии. Но очень скоро путникам пришлось встретиться, как говорит епископ, с “серьезной и внушающей страх опасностью”¹⁰³ – два корабля в море столкнулись, и судно, на котором находился Жак де Витри со своими спутниками, чуть не разбилось об утес. Путешественники испытали сильнейший страх: “Раздался страшный всеобщий вопль, – пишет в своем письме епископ, – и слышно было, как на обоих кораблях люди проливали слезы и каялись в грехах”¹⁰⁴. Паломники пересаживались с одного судна на другое, казавшееся им прочнее, скидывали с себя одежду и привязывая к телу все ценное – золото и серебро – пускались вплавь¹⁰⁵. К счастью, все обошлось благополучно – корабль, на котором плыл епископ со своими спутниками, в результате столкновения с другим судном сильно накренился влево, но при этом обогнул скалу с правой стороны. А другой корабль, которому, казалось, угрожает неминуемая опасность разбиться о соседнюю скалу, “благодаря милости Божьей вышел невредимым”¹⁰⁶.

Как видим, встречи с опасностями вызывают сильное душевное потрясение средневековых путешественников: они каются в грехах, молятся Богу о спасении. После перенесенных бедствий корабль Жака де Витри сделал вынужденную остановку у одного из греческих островов. Там высадили всех паломников, которым не хватало провианта, чтобы продолжить путь; благочестивый епископ помолился об их благополучии, дабы они избежали смертельной опасности, и корабль вновь пустился в путь¹⁰⁷. Но приключения Жака де Витри на этом не закончились – его ждало еще одно суровое испытание. Бог послал им сильнейшую бурю¹⁰⁸: волны, по словам епископа, были такие сильные, что “нос нашего корабля то вздымался до самых звезд, то опускался в бездну”¹⁰⁹. Два дня и две ночи продолжалась буря, и многие не в силах выдержать порыва ветра, другие же от страха не могли ни есть, ни пить¹¹⁰. Никто не осмеливался даже зажечь огни на корабле¹¹¹. Пилигримы уже начали подумывать о том, как заpastись пресной водой на случай, если ситуация не изменится. Чтобы сохранить воду, пу-

тешественники расстилали под дождем холсты, чтобы пропитать их влагой, и так утоляли жажду¹¹². Все происходящее производило удручающее впечатление на путников: многие из тех, кто, по словам Жака де Витри, “погряз в грехах”, в слезах приходили к епископу на исповедь¹¹³. Купцы, знатные люди являлись к нему и принимали из его рук крест, взывая к Богу, чтобы Он послал им ясную погоду и попутный ветер¹¹⁴. И действительно, через несколько дней море успокоилось, и путники доплыли до Сицилии, затем до Крита и, наконец, прибыли в Акру.

Корабли, бороздившие морские просторы в Средиземном море, часто терпели крушение из-за внезапных перемен погоды. Некоторые бури запечатлелись в памяти людей. Рассказ о них можно найти в записках другого путешественника по морю – немецкого паломника Зевульфа (примечательно, что само его имя означает “морской волк”). Пилигрим в Святую землю проделал путь от небольшого местечка Монополи (около Бари) до Яффы и далее до Иерусалима, при этом описав все тяготы пути. Тот час, когда он 13 июля 1102 г. ступил на корабль в Монополи, – говорит Зевульф, – был часом их бедствия – *hora aegurtiаса*. Не успели они отплыть от берега, как уже на третьей миле потерпели кораблекрушение, и их корабль отнесло в Бриндизи¹¹⁵. Вновь отправившись в путь уже из Бриндизи, путники опять пережили “день несчастья” (*die aegurtiаса*) – буря внезапно настигла корабль, и только благодаря помощи божественного Провидения они благополучно пристали к одному из греческих островов¹¹⁶. Посетив ряд островов – Патрос, Родос и др., – они прибыли на Кипр, откуда намеревались отправиться в Яффу. Но когда они покидали остров Кипр, опять начались такие волнения на море, что в течение семи дней они не могли покинуть гавань: противный ветер угнал их корабль назад к Кипру, и семь дней и семь ночей они “подвергались такой буре и опасности, что почти потеряли всякую надежду”¹¹⁷. И все же путники усердно молились и призывали милосердие Божие, и, конечно, только потому и были спасены: “Рано утром, при восходе солнца, показался перед нашими глазами берег гавани Яффы, и после уныния и отчаяния, в которое повергла нас огромная опасность, внезапное и неожиданное зрелище показалось нам в сто раз радостнее”¹¹⁸. Когда корабль Зевульфа уже был близок к берегам Яффы, пилигриму был дан знак свыше: “Выйди на берег, – говорил ему голос с небес, – чтобы не случилась буря сегодня ночью или на рассвете и завтра ты бы не смог высадиться”¹¹⁹. Вняв гласу Божию, Зевульф нанял маленький корабль и поспешил выйти на берег. В то время как путники высаживались, море начало волноваться, волнение росло и разразилось сильной бурей¹²⁰, но путни-

ки уже достигли берега невредимыми. В городе они нашли пристанище, где провели ночь и восстановили силы. Проснувшись поутру, они услышали сильный шум моря и крики народа. Путники поспешили на берег и увидели волны “выше гор”, и множество тел утонувших мужчин и женщин, лежавших на берегу в самом жалком виде¹²¹. А по морю носило разбитые вдребезги корабли. “Ничего не было слышно, кроме рева моря и треска кораблей, – рассказывает Зевульф. – Шум этот заглушал даже крик народа и вопли толпы”¹²². Большие суда благодаря якорям и канатам еще как-то держались на море, но их все время подбрасывали волны. Но скоро “от силы волн якоря оборвались, канаты разорвались, и корабли, оторванные силой волн, без всякой надежды на спасение, то поднимались кверху, то опускались вглубь”, и постепенно их отнесло на мели или скалы, где они, ударяясь бок о бок, разбивались вдребезги и разносились бурей¹²³. Потрясенный Зевульф видел, как люди на корабле, пораженные ужасом, сразу же шли ко дну или, стремясь ухватиться за бревно собственного корабля, погибали от их ударов. В этот день погибло тридцать кораблей и утонули тысяча человек. “Никто не видел большего несчастья в один день”, – сетует Зевульф и оплакивает жертв катастрофы: “Кто, смотря на это, был бы так жесток и с таким каменным сердцем, чтобы не заплакать?”¹²⁴

В течение XII–XIII вв. средневековые люди приобрели огромный опыт морских путешествий и научились преодолевать препятствия и избегать катастроф. Морской путь в Святую землю начинают предпочитать не только крупные европейские суверены – такие, как Ричард Львиное Сердце, Сигурд, Фридрих Барбаросса, располагавшие собственным флотом, – но и более скромные паломники, которые прибегали к услугам средиземноморских портов. Большую роль в морских коммуникациях играли тамплиеры: странноприимные дома ордена в Бари, Бриндизи, Марселе и других городах принимали путешественников, ожидающих очередной *passagium*¹²⁵. Из этих портов тамплиеры транспортировали пилигримов к берегам Сирии и Египта – как группы паломников и войска, так и отдельных индивидов. И в XIII в. индивидуальные паломники выбирают морской путь, чтобы достичь берегов Святой земли – Бурхард, Гийом Триполитанский, Вильдебранд Ольденбургский и другие пилигримы, описавшие страны Ближнего Востока, добирались до Святой земли на кораблях¹²⁶. Время в путешествии по морю сокращается благодаря хорошей ориентации в морском пространстве: в конце XII в. путешествие от Марселя или Бриндизи до Акры составляло от 15 до 25 дней¹²⁷. Ричард Львиное Сердце покинул Мессину 10 апреля 1189 г. и только 8

июня был в Акре. В 1248 г. Людовик Святой за 23 дня добрался из Эг-Морта до Лимассола¹²⁸. Морские путешествия становятся все более частыми, и хронисты с полным правом называют Средиземное море *Mare nostrum*¹²⁹. Видимо, благодаря приобретенному эмпирическому опыту средневековые люди начинают преодолевать суеверные страхи, связанные с морем¹³⁰. И все же...

Обратимся к так называемому манускрипту аббата Ротелена, описавшему события, происходившие в Святой Земле с 1229 по 1261 г.¹³¹ В главе XIV под названием “Об опасностях и муках, которым подвергаются на море” подробно рассказано о перипетиях морского пути. Из этого сочинения мы узнаем, что самая большая опасность, с которой приходится встречаться морским путешественникам, это... сирены. Эти фантастические существа усыпляют моряков сладким пением, а затем набрасываются на корабли, топят их, разрывают на клочья и уносят с собой в открытое море. Аббат Ротелен дает морякам ценный практический совет: при встрече с сиренами сначала заткнуть уши и, вооружившись, стрелять из лука или арбалета, пока те еще далеко в море, а при их приближении наносить им раны мечами, ножами и прочим оружием¹³². Автор предупреждает морских путешественников и относительно другой серьезной опасности – Харибды – в этом месте, собственно, и находится пуп земли, и не было еще ни одного корабля или какого-либо другого предмета, который бы, приблизившись к этому опасному месту, не был бы вовлечен в морскую пучину¹³³. Путешественников подстерегают и другие опасности: “В море, – рассказывает аббат Ротелен, – есть большие высокие скалы, которые видны с моря, и немало таких гор, которые подчас не видны на поверхности”. Иногда корабль, направляемый сильным ветром, случайно ударяется об эту гору, разбивается и терпит крушение. “Иногда случалось так, – пишет аббат Ротелен, – что носовая часть корабля натыкалась на скалу, покрытую морем, и разбивалась, а кормовая часть оставалась целой и плавала по морю”. “Так и погибают подчас корабли”, – подводит он мрачный итог¹³⁴. Но на этом описание страхов не кончается. Оказывается, в море есть и другие большие горы и большие скалы, которые трудно заметить морякам, и состоят эти горы и скалы из магнита. Они притягивают к себе корабли, в корпусе которых есть гвозди и другие металлические предметы, а притянув, удерживают так крепко, что те не могут двинуться с места. “И так корабли погибают”, – опять звучит мрачный рефрен¹³⁵. Автор советует морякам быть мудрыми и осмотрительными (*saige et pourveant en tiex choses*) при встрече с подобными опасностями. Как видим, повседневный опыт морс-

ких путешествий отнюдь не развеял многие мифы и предрассудки, связанные с морем...

Повседневная жизнь путешественников – поистине неисчерпаемая тема. В этом очерке я собрала лишь некоторые скудные сведения о тех материальных трудностях, которые встречались путникам в Святую землю, попыталась рассказать о способах освоения ими пространства, о морских и сухопутных коммуникациях и средствах транспорта. Как оказалось, пространство, которое преодолевали паломники и крестоносцы, – это данность не только физическая, но и спиритуальная. Контакты с незнакомым пространством вызывают у средневековых людей страх и панику – так воспринимаются ими горы, леса, бурные реки и особенно море, непредвиденных взрывов которого они боялись.

И все же в результате экспедиций в Святую землю в XII–XIII вв. были освоены огромные пространства, накоплен большой опыт в преодолении пространства, и этот опыт, несомненно, пригодился дальнейшим путешественникам. Благодаря морским и сухопутным экспедициям к христианским святыням раздвинулись географические горизонты средневекового общества, расширились знания о мире. Дальнейшим стимулом к познанию мира станет Пятый крестовый поход, когда в поисках царства пресвитера Иоанна европейцы будут засылать миссии в Центральную Азию и на Дальний Восток, и путешественники познакомятся с новыми странами и народами¹³⁶. Эти новые контакты мощно раздвинут границы замкнутого средневекового мира. В этих путешествиях уже не практические или благочестивые цели будут определяющим мотивом. Таким мотивом станет стремление узнать новое – качество, которое средневековые люди называли *curiositas*, и именно тогда, видимо, возникнет настоящий феномен путешествия. Этот момент зафиксирован в “Иерусалимской истории” Жака де Витри: “Некоторые легкомысленные особы отправляются в паломническое путешествие не из благочестия, а исключительно из любопытства и желания узнать что-то новое. Все, чего они жаждут, – *путешествовать* по неизведанным странам с тем, чтобы расследовать абсурдные и преувеличенные истории о Востоке, которые они слышали”¹³⁷.

Но похоже, что без повседневного опыта, приобретенного паломниками в XII–XIII вв., к новому пониманию путешествия и его целей средневековый мир пришел бы не так скоро.

- ¹ “Разве путешествие, из которого герой не возвращается – не случайно, а по определению, – все еще оставалось бы путешествием?” (*Артог Ф.* Возвращение Одиссея // *Одиссей. Человек в истории: Культурная история социального.* М., 1997. С. 73).
- ² См. об этом: *Лотман Ю.М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // *Лотман Ю.М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2001. С. 297–303.
- ³ Позволю себе сослаться на свою статью: *Лучицкая С.И.* Путешествие // *Словарь средневековой культуры / Под общей ред. А.Я. Гуревича.* М., 2003. С. 397–400.
- ⁴ Об этой идее см.: *Ladner G.B.* Homo Viator. Medieval Ideas on Alienation and Order // *Speculum.* 1969. Т. XLI, N 2. P. 33–260
- ⁵ См.: *Peregrinationes tres. Saewulf. John of Würzburg. Theodoricus.* Turnhout, 1994 (*Corpus Christianorum. Continuatio medievalis*; Т. CXXXIX); *Descriptions de la Terre Sainte.* Tobler.
- ⁶ См., например: *Innominatus // Descriptiones Terrae Sanctae ex saeculo VIII, IX, XII et XV / Prsg. von T. Tobler.* Leipzig, 1874. P. 192–223. Скучные упоминания о паломниках в средневековых нарративных памятниках собраны в статье: *Micheau F.* Les itinéraires maritimes et continentaux des pèlerinages vers Jerusalem // *Occident et Orient au X s. (Actes du IX Congrès de la Société des historiens médiévistes de l’enseignement supérieur public, Dijon, 2–4 Juin 1978).* P., 1979. P. 79–104.
- ⁷ О паломнических путешествиях этого времени см.: *Labande E.R.* Recherches sur les pèlerins dans l’Europe des XI–XIII ss. // *Cahiers de civilisation médiévale. Poitiers,* 1957. N 1. P. 7–36; N 3. P. 339–349; А. Грабуа в своей книге пытается четко разграничить паломническое путешествие, с одной стороны, и крестовый поход – с другой, и ставит вопрос о том, помешали ли крестовые походы паломническому движению или, напротив, способствовали ему. См.: *Grabois A.* Le pèlerin occidental en Terre Sainte au Moyen âge. Bruxelles, 1998. О паломниках в Святую Землю в эпоху крестовых походов см.: *Röhrich R.* Die Deutschen im Heiligen Land: chronologisches Verzeichnis derjenigen Deutschen welche als Jerusalem Pilger und Kreuzfahrer sicher nachzuweisen oder wahrscheinlich anzusehen sind (cf 650–1291). Innsbruck, 1864. В книге учтены все немецкие паломничества за период с VII по XIII в., и особенно паломничества XII–XIII вв. Аналогичный список скандинавских паломников составил П. Риан. См.: *Riant P.* Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte au temps des croisades. P., 1865.
- ⁸ М.А. Заборов, определяя жанр хроник, отмечает, что эти источники представляют собой сочетание путевых заметок, эпистолярных и документальных материалов. См.: *Заборов М.А.* Введение в историографию крестовых походов (латинская хронография XI–XIII вв.). М., 1966. С. 000.
- ⁹ *Martin H.* Mentalités médiévales. XI–XV ss. P., 1996. P. 150.
- ¹⁰ Кажется, сами авторы колеблются в определении жанра своих сочинений, называя их то *itinerarium*, то *profectio*. См.: *Petri Tudebodi Historia de Hierosolymitano itinere / Ed. J.H. Hill & L. Hill.* P., 1977; *Odilo Dogilensis De Profectione Ludovici VII in Orientem // Patrologiae cursus completus. Series Latina.* Т. 185.
- ¹¹ На самом деле, под этим именем скрывается Гийом Адам. См.: *[Pseudo-] Brocardus. Directorium ad passagium faciendum // Recueil des historiens des croisades. Documents arméniens.* P., 1906. Т. 2. P. CLIV–CLVI.

- ¹² Подобный подход реализован, например, в статье Д.Э. Харитоновича: *Харитонович Д.Э. Mundus Novus. Первозданная природа глазами человека эпохи Возрождения // Природа в культуре Возрождения. М., 1992. С. 107–121.*
- ¹³ В хрониках наиболее подробно освещен марш крестоносцев от Западной Европы до Константинополя, потому в настоящей статье делается акцент именно на этом отрезке пути.
- ¹⁴ *Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana. Heidelberg, 1913. P. 184. Lib.I, cap. X. P. 184: “Sed alii de Roma, alii de Apulia vel de Hungaria sive Dalmatia, labore recusato, domos suas redirant vel in locis multis, milibus multotiens occisis, sed et nobis cum euntes infirmati finierant defuncti, multa videretis coemetria in callibus, in campis, in lucis de peregrines nostris sic sepultis”.*
- ¹⁵ Cf. *Raimundi de Aguilers Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem // Recuril des histories des croisades (далее: RHC). Hist. Occ. P., 1866. T. III. P. 35: “multam difficultatem itineris in ea regione perpessi”.* О “больших трудностях пути”, проделанного войском графа Тулузского, вспоминал много лет спустя и Гийом Тирский. См.: *Guillaume de Tyr. Chronique / Ed. R.V.C. Huygens. Turnhout, 1986. T. 1–2 (Corpus Christianorum. Continuatio medievalis; T. 63). Lib. 11, cap. XVII: “Comes Tolosanus et episcopus Podiensis cum suis agminibus per Dalmatiam properant, multam difficultatem itineris in ea regione perpessi” (курсив мой. – С.Л.).*
- ¹⁶ *Raimundi de Aguilers Historia Francorum... P. 235: “Illi igitur Sclavoniam ingressi; multa dispendia itineris passi sunt, maxime propter hyemem que tunc erat” (курсив мой. – С.Л.).*
- ¹⁷ *Guillaume de Tyr. Chronique... Lib. II. Cap. XVII: “Terra enim... rivis, fluminibus abundans, et pene tota palustris, tantam diebus singulis esse dabat uliginem et tantam crassitudinem nebularam, ut aerem redderent pene suffocatorium”.*
- ¹⁸ *Ibid.: “Erat praeterea aer caliginosus, et tenebrae continuae pene palpabiles; ita ut qui sequebantur praecedentium vix tenerent vestigia, et qui praebant vix per jactum lapidis ante se loca possent discernere”.*
- ¹⁹ *Raimundi de Aguilers Historia Francorum... P. 235: “Quadraginta etenim fere dies in Sclavonia fuimus, in quibus tantum spissitudinem nebularam passi sumus, ut palpare et per motum removeere eas a nobis aliquatenus possemus. Inter haec comes assidue in postremis pugnans, semper populum defendens erat; nunquam prior, sed semper ultimus hospitabatur”.*
- ²⁰ *Odilo Dogilensis De Profectione Ludovici VII in Orientem // Patrologiae cursus completes. Series Latina. T. 185. Lib. III. Col. 1218: “...Dum igitur ibidem fixis tentoriis pernoctaret, erupit pluvial super eos quidem sicut audivimus modica, sed in montibus tanta inundatio, ut eos potius raperet quam aspergeret. Torrens enim tumidus, et rapidus tentoria sibi obvia, et quidquid continebant involvens et rapiens. In mare vicinum praecipitavit, et ipsorum multa millia submersit” “Между тем, – удивляется Одо, – невозмутимые немцы как ни в чем не бывало продолжили далее путь до Константинополя, делая вид, что ничего серьезного не произошло” (“Imperator autem et superestes multitudo, non sine dolore quidem, sed tamen velut sine damno tantum malum per ferentes, consurgunt, et quasi audaciores reddito pro eventu Constantinopolim veniunt...”).*
- ²¹ *Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana // RHC. Hist. Occ. P., 1879. T. IV. Lib. II, cap. VI. P. 303: “...Dux et populus regnum Hungarie pertransiens, Drowa fluvium pervenerunt: ubi congerie lignorum composite, et plurima viminum copulatione facta, eundem fluvium trajecerunt”.*

- ²² Ibid.: “Non amplius enim quam tres naves illic repertae sunt, cum quibus mille equites loricati ad praecoecupandum litus transmissi sunt. Cetera multitudo, copulatione lignorum et viminum, fluminis alveum superaverunt”.
- ²³ *Odilo Dogilensis De Profectione Ludovici VII ...* Lib. VI, col. 1235: “Inerat enim ibi torrens sinuosus et rapidissimus, quem oportebat in die novies vel octus transvadare, qui si modica pluvia paulo amplius tumisset, nemo posset procedere vel redire, sed erat necesse quemque in loco suo lugendo peccata, vitae terminum expectare”.
- ²⁴ Ibid. Col. 1234: “...haec sumus redditus marinis an fractibus, saxosos montes te arduos fere quotidie inventuri, et torrentium defossos alveos quos erat labor etiam vacuos pertransiri; et si nivibus vel imbribus auferentur, non esset possibilis eorum rapacitas ab equite vel pedite transnari...”
- ²⁵ Ibid. Lib. II, col. 1214: “In terra ejus multi fluvii sint, super ipsos, sine proprio labore et sumptu novos pontes invenit”. “В земле этой есть много рек, через которые построены новые мосты”. Одо радуется, что французам не пришлось “вложить в них ни труда, ни расходов”.
- ²⁶ Ibid., col. 1213: “In medio sui fluvium habet Droam, qui stanni more unam ripam proclivem habet, et alteram arduam, unde modica pluvia effluit, Audivimus eum multos Alemannorum, qui nos praecesserant, subito inundasse; nos autem ubi castra eorum fuerant, vix potuimus transvadere”.
- ²⁷ Ibid. Lib. II, col. 1211: “Ad hanc urbem (Ratisbona. – *C.J.*) omnes Danubium ponte optimo transierunt, inveneruntque navium multitudinem copiosam, quae sarcinas nostras, multumque populum usque Bogariam deportarunt bigas etiam et quadrigas nonnulli navibus imponebant, ut damnum praeteritum in desertis Bogarie compensarent. Sed prius et postea magis fuere spei quam utilitati”.
- ²⁸ Ibid. Lib. VII, col. 212: “vel de foro si poterant, vel de praediis...sibi abundantiam conquirentes...”.
- ²⁹ *Raimundi de Aguilers Historia Francorum...* P. 235: “Tandem per Dei misericordiam et comitis laborem et episcopi consilium, sic exercitus transivit, ut nullum fame, nullum in aperta congressione ibi perderemus”.
- ³⁰ *Guillaume de Tyr. Chronique...* Lib. I, cap. XVIII: “...centum quadraginta ex eis... in oratorio quodam, quo se gratia consequendae salutis contulerant, igni supposito, combusserunt, reliquis in fugam adactis...” Разумеется, число 140 имеет весьма относительное значение.
- ³¹ Ibid. Cap. XXVII: “...quidam sacerdos, Godescalcus nomine, natione Theutonicus, Hungariae fine... ingressus est... ad inferendas enormes indigenis se contulerunt injurias; ita ut praedas exercerent, venalia foris illata publicis violenter diriperat, et stragem comitterent in populo, neglectis legibus hospitalitatis...”.
- ³² *Guillaume de Tyr. Chronique...* Lib. I, cap. XVIII: “Viae tamen compendium, quod qui per Hungariam descenderant, certum erit reperisse, propter insolentiam eorum et enormitates nimias, quas frequenter et praeter meritum regionis inferebant habitatoribus, transeuntes qui praecesserant, eis penitus negabatur...”.
- ³³ *Alberti Aquensis Historia...* Lib. II, cap. III. P. 340–341: “...aptam et voluptuosam regionem considerantes et venationibus fecundissimam, quam nobilitas delectari et exercari gaudet. ...sumpto arcu et pharetra, gladiis accincti, saltus montanis contiguos ingrediuntur, si forte obvenerit quod configere et persequi catulorum sagacitate valerent...”.
- ³⁴ Ibid.: “Dux vero... educto raptim gladio... misello homini advolat, eripere a dentibus et unguibus lanionis amxiatum festinate...”.
- ³⁵ Ibid.: “Dux... in momento resurgit in pedibus, gladiumque... propriis cruribus implicitum celeriter in ejusdem ferae jugulum rapines et capulo retinens, suras et nervos proprii cruris gravi incisione truncat...”.

- ³⁶ Ibid.: “Dux primum, vulneris dolore... coepit corde deficere... Quem principes... ad castra... detulerunt, medicos pertitissimos ad sanantes et adhibentes... feram verointer se dividentes...”.
- ³⁷ *Le Goff J.* Le désert-forêt dans l’Occident médiéval // *Le Goff J.* L’imaginaire médiéval. P., 1985. P. 59–76. См. рус. пер.: *Ле Гофф Ж.* Пустыня-лес // *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 85–105.
- ³⁸ *Fulcherii Carnotensis* Historia Lib. Iб cap. VIII. P. 172: “Ita Bulgarorum regions, per montium praerupta et loca deserta satis, perreximus”.
- ³⁹ *Raimundi de Aguilers* Historia Francorum... P. 235: “Sclavonia etenim est est tellum deserta et invia, et montuosa, ubi nec feras nec volucres per tres hebdomadas vidimus”.
- ⁴⁰ *Guillaume de Tyr.* Chronique... Lib. I, cap. VIII: “Est autem regnum Hungariae paludibus interjectis et magnis fluminibus praecinctum, et inaccessible; ita ut, nisi certis loci, et iis vehementer angustis, volentibus introire vel egredi non pateat introitus vel exitus”.
- ⁴¹ *Petri Tudebodi* Historia de Hierosolymitano itinere / Ed. J.H. Hill & L. Hill. P., 1977. P. 33–34: “Ipse vero statim apprehendi Rusam civitatem et plurima castra. Nos autem qui remansimus exeuntes unde intravimus in diabolicam montaneam, quae tam nimis erat alta atque angusta, quod nullum nostrorum audebat per tramitem ejus aut per semitam quae in monte patebat ante alium praecire. Illic praecipitabant sese equi, et unus saumerius praecipitabat alium. Milites ergo stabant undique tristes”. См. также: *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum* / Ed. R. Hill. L., 1962. P. 7.
- ⁴² Ibid. P. 34: “Plaudebant manibus prae nimia tristitia atque dolore, dubitantes quod iacere debuissent de semetipsis et de suis armis, vendentes suos clypeos et loricas nimis optimas, et galeas solummodo per tres aut quinque denarios sive per id quod plus potuerunt habere”.
- ⁴³ Ibid.: “Exeuntes igitur; pervenimus ad quamdam civitatem quae vocatur Marasim”.
- ⁴⁴ *Odilo Dogilensis* De Profectione Ludovici VII... Lib. II, col. 1213: “...ravis tamen abundant, et fontibus et pratis. Cum transierem regionem istam, aspera mihi montibus videbatur, nunc autem planam judico respecto Romaniae”.
- ⁴⁵ *Fulcherii Carnotensis* Historia... Lib. I, cap. VIII. P. 173: “Viderunt cacuminal montium perque transitura errant nubibus fere inserta”.
- ⁴⁶ *Odilo Dogilensis* De Profectione Ludovici VII... Lib. VI, col. 1235: “Deviavit enim in quaedam concava, offendensque montium scopulos, dum eos circuit vel ascendit, non accedit quo volebat, sed alternis vicibus inferno et sideribus propinquabant...”.
- ⁴⁷ Ibid. Col. 1237: “Mons erat arduus et saxosus, et nobis erat per clivum ejus ascensus, cujus cacumen nobis veidabatur tangere caelum, et torrens in valle concave descendere in infernum”.
- ⁴⁸ Ibid. Lib. VII, col. 1237: “Lebantur de rupibus praeruptis summaria, obvios quosque sternentes usque in profundum abyssi. Saxa quoque de locis suis mota stragem suam faciebant, sic dum vias quarentes latissime se sparsissent, omnes lapsum proprium vel aliorum fulminationem timebant...”.
- ⁴⁹ Ibid. Lib. VI, col. 1234: “Nec pratereundum nos in hac via stupentibus indigenis contra morem tres fluvios facile transvadasse, et unumquamque posit nostrum transitum. Illico pluviis inundasse; inde habebatur pro miraculo contra solitum nobis imbres et hiemem pepercisse”.
- ⁵⁰ *Radulfi Cadomensis* Gesta Tancredi // RHC. Hist. Occ. P., 1866. T. III. Cap. IV. P. 607: “Ad flumen quod Bardal dicitur perducitur... obsistebat eorum transitu fluvius rapax... plurimos terrebat”.

- ⁵¹ *Guillaume de Tyr. Chronique... Lib. II, cap. XIII*: “Daemonis ad fluvium rapidum tunc venimus omnes, qui ab incolis loci si vocatur et merito. Vidimus enim in illo quamplures de plebem cum vadare pedetentium sperabant, torrentis impetus, quod nullus cernentium juvare poterat, mersu repentino perere; quia de re multas ibi lachrymas pietate dimisimus; et, nisi equites cum equis dexterariis opem peditibus ferrent, multitudo maxima simili modo ibi vitam finivisset”. См. также: *Fulcherii Carnotensis Historia... Lib. I, cap. VI*. P. 172.
- ⁵² *Raimundi de Aguilers Historia Francorum... P. 235*: “Ob illam reor causam voluit Deus exercitum suum transire per Sclavoniam, apud Scodram venimus; cum eo comes fraternitatem confirmavit, et multa ei tribuit, ut exercitus secure emere et quarere necessaria posset... Venimus Dircahium...”
- ⁵³ *Fulcherii Carnotensis Historia... Lib. I, cap. VIII*. P. 172. Примечательно, что и русский путешественник игумен Даниил в своих записках указывает расстояния между городами и островами. См.: Путешествие игумна Даниила по Святой Земле в нач. XII в. (1113–1115) / Изд. А.С. Норова. СПб., 1861. С. 5: “от Цареграда по лукоморью 300 верст... а от Петалы до Константинополя 100 верст...”, и т.д.
- ⁵⁴ *Guillaume de Tyr. Chronique... Lib. II, cap. IV*: “Inter quas Bulgarorum gens inculta, a tractu Septentrionali egressa, a Danubio usque ad Urbem regiam, et iterum ad eodem flumine ad mare Adriaticum, universas occupaverat regions, ita ut confuses provinciarum nominibus et terminis... totus iste tractus qui in longitudine habere dicitur iter dierum triginta in latitudine vero decem amplius”.
- ⁵⁵ *Odilo Dogilensis De Profectione Ludovici VII... Lib. II, col. 1212*: “Igitur Metis, Wormatia, Wirzeburgis, Ratispona, Patavia civitates opulentissimae tribus dietis a se invicem distant. A postremo nominata quinque dietae sunt usque ad Novam urbem; ab hac, una usque ad portas Hungariae”.
- ⁵⁶ *Ibid*: “Haec ad quintam dietam, primam sed modicam, ex hoc parte Graeciae civitatem Nit ostendit. Nit. Histernit, Philippopolis, Andrianopolis civitates sunt, quatuor dietis ab invicem dessidentes, et ab ultima usque Constantinopolim sunt quinque”. По хроникам мы также можем подсчитать, что, например, Готфриду Бульонскому потребовалось почти пять месяцев, чтобы пройти от Мозеля до Константинополя (август–декабрь 1096 г.), что Людовик VII вышел из Меца в июне 1147 г. и только в октябре оказался в Константинополе, что Фридрих Барбаросса во время Третьего крестового похода почти 10 месяцев (май 1189–март 1190) потратил на то, чтобы пройти от Регенсбурга до Дарданелл.
- ⁵⁷ *Ibid. Lib. II, col. 1212*: “In his quae scribimus pro exemplo est descriptio probitatum, pro directione itineris nomina civitatum, pro cautela viatici qualitas regionum. Nunquam enim deerunt sancti sepulchri viatores, eruntque, si placet, de nostris eventibus cautiores”.
- ⁵⁸ Так, Петр Тудебод, рассказывая читателям о пути через Балканы, не преминул упомянуть Адрианополь – важный транзитный пункт крестоносцев на пути в Византию, а вслед за ним и другие города Фракии и Македонии, в которых путникам пришлось останавливаться, – Касторию, Пелагонию (*Petri Tudebodi Historia... P. 16*: “Deinde vero descenderunt in vallem de Adrianopolim, illicque applicuerunt expectantes gentem suam, donec omnes aequaliter transfretatu fuissent. Tunc exeuntes, inde venerunt... de villa in villam, de castelo in castellum, et de civitate in civitatem, quoadusque pervenerunt in Castoriam... egressique de Castoria, intraverunt in Pelagoniam in qua erat quoddam haereticorum castrum”). О них же упоминает Аноним (См.: *Gesta Francorum... P. 8*). Фульхерий Шартрский, описавший марш крестоносцев к Константинополю, перечислил многие города Фракии и Македонии, такие, как Лукреция, Битолия, Христополис,

- Фессалоники, Панадос, Ираклию и др. (*Fulcherii Carnotensis Historia...* Lib. I, cap. VIII. P. 174–175).
- ⁵⁹ *Petri Tudebodi Historia...* P. 16: “Omnes igitur transfretaverunt et applicuerunt in Bulgariae partibus. Illicque invenerunt nimiam abundantiam frumenti et vini et alimenti corporis...”.
- ⁶⁰ См.: *Odilo Dogilensis De Profectione Ludovici VII...* Lib. III, col 1215.
- ⁶¹ *Guillaume de Tyr. Chronique...* Lib. I, cap. XVIII: “Regnum Hungariae paludibus interjectis et magnis fluminibus praecinctum”.
- ⁶² *Ibid.*: “...duae fuerant Daciae: Ripensis ividelicet... et Mediterranea...Straliciam, Daciae mediterraneae metropolim egregiam, pervenit”; *Raimundi de Aguilers Historia Hierosolymitana...* P. 235.
- ⁶³ *Guillaume de Tyr. Chronique...* Lib. I, cap. XVII: “Est autem Dalmatia longe patens region inter Hungariam et Adriaticum mare sita”.
- ⁶⁴ См.: *Fulcherii Carnotensis Historia...* Lib. IX, cap. I. P. 177–178: “O quanta civitas nobilis et decora! quot monasteria, quot palatia sunt in ea, opere miro fabrefacta! ...taedium est magnum recitare quanta sit ibi bonorum omnium opulentia, auri scilicet, argenti, palliorum multiformium, sanctorumque reliquiarum...”
- ⁶⁵ *Odilo Dogilensis De Profectione Ludovici VII...* Lib. II, col. 1211.
- ⁶⁶ *Ibid.* Col. 1213: “ rivis tamen abundant, et fontibus et pratis”.
- ⁶⁷ *Ibid.*: “...caetera omis aqua terrae hujus, lacus sunt et paludes te fonts..excepto Danubio qui... multarum regionum divitias... navigio invehit”.
- ⁶⁸ *Ibid.*: “Hungaria ex haec parte aque lutosa cingitur, ex alia a vero Bogaria amne lucido separator. In medio sui fluvium habet Droam...”.
- ⁶⁹ *Ibid.*: “Bogaria... pratium est nemorosum, vel nemus pabulosum bonis abundant... Non plana jacet, nec montibus asperatur, sed inter colles vineis et segetibus habilis, rivis et fontibus lucidissimus irrigator...”.
- ⁷⁰ *Ibid.*: “Nit, Histernit, Philippopolis, Andrianopolis civitates sunt...Quae interjacent plana sunt, villis et castellis, omnibusque bonis rebundantia. Dextra laevaue montes sunt, tam prope ut viedantur, et tam longa ut lata, dives et jucunda planities includatur...”.
- ⁷¹ *Ibid.* Lib. III. Col. 1215: “...terramque pulcherrimam et opulentissiam, quae sine interruptione protenditur usque Constantinopolim”.
- ⁷² *Ibid.* Lib. V. Col. 1221: “Constantinopolis Graecorum gloria, fama dive et rebus ditior, ad formam vel navalis in trigonum ducitur. In interiori angulo Sanctam Sophiam habet, et palatium Constantini, in quo capella est quae sacrosanctis reliquiis honoratur...Ibi palatium, quod dicitur Blachern, fundatur quidem in humili... Exterior ejus pulchritudo fere incomparabilis est, interior vero quidquid de illa dixero superabit...”.
- ⁷³ См. об этом в кн.: *Васильев А.А. Византия и крестоносцы: Эпоха Комнинов и Ангелов.* М., 1923.
- ⁷⁴ *Raimundi de Aguilers Historia Francorum...* P. 235: “Incolae regionis adeo agrestes et rudes sunt, ut nec commercium nobis nec ducatum praebere voluerint, sed fugientes de vicis et castellis suis, debiles anus et pauperes infirmos qui a longe prae infirmitate sua sequabantur exercitum nostrum, ac si multum nocuissent; ut pecora trucidabant”.
- ⁷⁵ *Ibid.*: “...ex eis usque ad sex capuit. Quumque propter hoc Sclavi vehementer immineret, et comes sequi exercitum compelletur, erui oculos aliorum, et aliorum pedes abscidi jussit, et nasum et manus aliorum truncare praecepit...”.
- ⁷⁶ *Guillaume de Tyr. Chronique...* Lib. II, cap. XVI: “Dalmatia... montibus et sylvis, magnis quoque fluminibus pasuis etiam longe lateque diffusas occupata penitus...”

- ⁷⁷ Ibid.: “Dalmatia... populo ferocissimo, rapinis et caedibus assueto inhabitata; montibus et sylvis, magnis quoque fluminibus, pascuis etiam longe lateque diffusas occupata penitus, ita ut raram habeat agrorum culturam; exceptis paucis, qui in oris maritimis habitant, qui, ab aliis et moribus et lingua dissimiles, latinum habent idioma; reliquis sclavonico sermone utentibus et habitu barbarorum”.
- ⁷⁸ Ibid. Lib. I, cap. XVII: “...vir christianissimus, rex Calemannus qui, cognito praedicti Galteri adventu, et de ejus edoctus proposito, piam illius commendans intentionem, cum benigne admisit, et, transito suis expeditionibus per Hungariam concessio, publicorum commerciorum gratiam non negavit”.
- ⁷⁹ Мы характеризуем здесь отношение крестоносцев не к византийскому императору, а к грекам в целом. Известна антивизантийская направленность хроник Анонима и Рауля Канского, враждебно относившихся к византийскому императору. См.: *Radulfi Cadomensis Gesta Tancredi...* P. 609–613; *Gesta Francorum...* P. 30–40.
- ⁸⁰ *Odilo Dogilensis De Profectione Ludovici VII...* Lib. VI, col. 1234: “de navibus escas ad suum libitum charas vendebant, et pauperes in tam longe itinere auro et argento, armis et vesibus spoliabant...”.
- ⁸¹ Ibid. Lib. III, col. 1215: “Graeci autem suas civitates et castella observabant, et per murum funibus venalia submittebant, sed nostrae multitudini non sufficiebat victus tali mora ministramus”.
- ⁸² Ibid. Lib. VI, col. 1234.
- ⁸³ Ibid. Col. 1232: “...et ut sciant posetri Graecorum dolosa facinore, nostra infortunia prosequeremur”.
- ⁸⁴ Ibid. Lib. III. Col. 1216: “Ubi cum tabernis insedissent Alemanni, malo auspicio adfuit jocular, qui licet eorum linguam ignoraret, tamen sedit symbolum dedit, bibit, et post longam ingurgitationem, serpentem quem praecantatum in sinu habebat extrahit, et scypho terrae imposito superponit, et sic inter eos quorum mores et linguam nesciebant, caeteris lusibus joculariis sese frangit...”.
- ⁸⁵ Ibid.: “Scelusque unius omnibus imputant, dicentes quod eos occidere Graeci veneno volebant...”.
- ⁸⁶ Ibid.: “Turbatur urbs tumultu suburbii, et dux cum turba suorum ut sedaret turbam foris inermis sed festinus egreditur. Turbatus autem a vino et furore oculus Alemannorum non arma videt, sed cursum. Unde causa pacis accurrentibus occurrunt irati, putantes a se homicidii vindicam exigi. Illi autem fugientes in urbem recepti sunt...”.
- ⁸⁷ См.: *Balard M. Les Transports des Occidentaux vers les colonies du Levant au Moyen âge // Maritime Aspects of Navigation / Ed. K. Friedland (Quellen und Darstellungen zur Hansischen Geschichte. Neue Folge; T. XXXIV). Köln, 1989). P. 4–5; Richard J. Le transport d’Outremer des croises et des pelerins (XII–XV ss.) // Orient et Occident au Moyen âge: contacts et relations (XII–XV ss.) L., 1976. P. 27–30.*
- ⁸⁸ *Mollat du Jourdain M. Les problèmes navals de croisade // Cahiers de civilisation médiévale. Poitiers, 1967. T. X, N 3–4. P. 360.*
- ⁸⁹ *Mollat du Jourdain M. Europa und das Meer. München, 1993. S. 240.*
- ⁹⁰ *Jean de sire de Joinville. Histoire de Saint Louis / Ed. N. de Wailly. P., 1874. P. 127: “...cil est bien fol hardis, qui se ose mettre en tel peril atout autrui chedel ou en pechée mortel; car l’on se dort le soir là où on ne sait se l’on on se traouvera ou font de la mer au matin...”* Страх умереть в море усугублялся тем, что в Средние века было распространено представление о том, что утопленники не смогут принять участие в Страшном суде, на котором состоится воскресение плоти, потому что их тела невозможно найти на дне морском. См.: *Mollat du Jourdain M. Europa und das Meer. S. 244.*

- ⁹¹ [Pseudo-]Brocardus. Directorium ad passgium faciendum // Documents arméniens. P., 1906. T. 2. P. 411–412 : “Habet enim difficultatem quantum ad (omnes) homines et specialiter quantum ad Gallicos et Teotonicos, qui in mari non fuerint assueti; ad motum enim maris et agitationes varias et procellas nimium affliguntur et efficiuntur sepius sine sensu, ita quod frequenter judicari possunt mortui plusquam vivi. Preter hoc subita mutacio aeris, fetor maris, cibaria insipida atque grossa, aque fetide et corrupte, pressura hominum, strictura loci, suricies leci et cetera (talìa multa nimis)...”.
- ⁹² Ibid. P. 412: “Sunt eciam aliquando tempestates incredibiles, insperate, ex quibus sequitur debilitas corporum, defeccio virium, depericio virtutum, fractio animorum, propter que ab impedimento tam sancta vie proposito plurimi retardantur vel a jam incepto foristam revocantur”.
- ⁹³ Peregrinationes tres. Saewulf. Iohannes Wirziburgensis. Theodorus / Ed. R.B.C. Huygens. Turnhout, 1994. P. 61–62: “Modo vos obsecro, omnes amici mei dilectissimi, expansis in altum manibus plaudite, iubilate Deo una mecum in voce exultationis, quia fecit mecum in omni itinere meo misericordiam qui potens est : sit nomen eius benedictum ex hoc nunc et usque in saecula...”.
- ⁹⁴ Lettres de Jacques de Vitry / Ed. R.B.C. Huygens. Leiden, 1960. P. 78: “Navem autem sanus et incolumis cum sociis meis et rebus meis salvus ingressus sum; vos autem instanter orate pro me et pro meis, ut deus perducatur nos ad portum Acconensis civitatis”.
- ⁹⁵ Контракты пассажиров с марсельскими судовладельцами сохранились в документах, изданных Бланкардом: *Blancard L. Documents inédits sur le commerce de Marseille*. Marseille, 1885.
- ⁹⁶ *Balard M. Op. cit.; Richard . Op. cit.*
- ⁹⁷ *Richard J. Op. cit.*
- ⁹⁸ Lettres de Jacques de Vitry... P. 77–78: “Quinque loca michi et meis comparavi, scilicet quartam partem castelli superioris, in qua manducarem et in libris meis studerem et de die, nisi cum tempestas esset in mari, manarem; conduxì unam cameram, in qua cum sociis meis de nocte dormirem, conduxì aliam cameram, in qua vestimenta mea reponerem et victualia michi per septimanam necessaria collocarem, conduxì aliam cameram, in qua servi mei iacerent et cibum michi prepararent, conduxì locum alium, in quo equi mei, quod transire feci, reponerentur. In vero navis vinum meum et biscocum et carnes et alia fere ad tres menses victui meo sufficientia collocari feci...”.
- ⁹⁹ *Jean sire de Joinville. Hi stoire de Saint Louis*. P. 71 : “Le jour que nous entrâmes dans nos vaisseaux, l'on fit ouvrir la porte du vaisseau, et l'on mit dedans tous nos chevaux que nous devons mener outre-mer; et puis l'on referma la porte et on la lucha bien...”.
- ¹⁰⁰ Ibid. P. 126–127: «Notre maître nautonnier cria à ses nautonniers, qui etaient à la proue du vaisseau, et leur dit: “Votre besogne est-elle prête? Et ils repondirent: “Oui, sire; que les clerics et les prêtres s'avancent”. Aussitôt qu'ils furent venus, il leur cria: “Chantez, de par Dieu!”. Et ils s'ecrièrent tout d'une voix: “Veni, Creator Spiritus!” Et le maître cria a ses nautonniers: “Faites voiles, de par Dieu!” Et en peu de temps le vent frappa sur les voiles, et nous eut enlevé la vue de la terre, tellement que nous ne vîmes que le ciel et l'eau; et chaque jour le vent nous éloigne des pays...».
- ¹⁰¹ *Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana...* P. 675: “Interea frater Regis de Norwegiae, Magnus nomine, in plurimo apparatus, in multa armature, in manu robusta, in buzis sexaginta, in decem milibus virorum pugnatorum, per biennium in circuitu spaciosi maris a regno suo enavigans”.
- ¹⁰² Ibid.

- ¹⁰³ *Lettres de Jacques de Vitry...* P. 80: "...magnum et valde metuendum periculum".
- ¹⁰⁴ *Ibid.* P. 81: "Tunc clamor magnus factus est omnium, et lacrimae plorantium et peccata sua confitentium in utraque navi audiebantur".
- ¹⁰⁵ *Ibid.* P. 81: "Ex una autem navi mutuo persiliebant in aliam, secundum quod unus nave, alteram credeat frtiorum et alius aliam; alii vestimenta sua deponebat et quod habebant in auro et argento, si forte natando evadere possent, sibi alligabant".
- ¹⁰⁶ *Ibid.* P. 80: "Ex violentia autem collisionis navis nostra, ad sinistram partem aliquantum obliquata, ad exteram partem saxum reliquit, navis vero reliqua cum iam vicine scopulo confringenda et submergenda foret, submissis veils et projectis anchoris substitit et quasi miraculose per gratiam Dei evasit illesa".
- ¹⁰⁷ *Ibid.* P. 81: "Dominus autem navis nostre volebat omnes paupers de navi nostril eicere et in insula relinquere eo, quod victualium sufficientiam non habebat, ego vero valde supplicabam et quod adhuc misericordiam dei expectaret et paupers mortis periculo non exponeret".
- ¹⁰⁸ *Ibid.*: "...dominus immisit nobis subto tempestatem validam".
- ¹⁰⁹ *Ibid.*: "Prora autem navis nostre nunc attollebatur ad sidera, nunc in abissum mergebatur".
- ¹¹⁰ *Ibid.* P. 82: "Hec autem tempestat per duos dies et duas noctes continue duravit ita, quod quidam ex nostris, dum ventorum impetum vix possent sustinere, quidam autem per timore mortis non manducabant nec bibebant".
- ¹¹¹ *Ibid.*: "...nullus enim in navi nostra audebatur ignem accendere".
- ¹¹² *Ibid.*: "Quoniam vero timebamus ne aqua nobis deficeret, lintheamina nostra ad pluviam extendebamus ita, quod duplex commodum reportabamus: dum lintheamina nostra ablueremus et aquam ablutionis biberemus".
- ¹¹³ *Ibid.* P. 82: "...multi enim cum lacrimis ad confessionem venerunt, ut per multis annos in peccatis permanserant".
- ¹¹⁴ *Ibid.* P. 82: "Meractores autem et potentes signum cruces de manu mea receperunt, quibus ad Dominum clamantibus immisit nobis dominus aeris serenitatem et venti commodum...".
- ¹¹⁵ *Peregrinationes tres. Saewulf.* P. 59: "III Idus Iulii, hora egyptiaca sicut nobis postmodum evenit: nisi divina nos defenderet clementia, omnes summersi essemus".
- ¹¹⁶ *Ibid.* P. 59: "Postea vero ivimus Brandic ibique iterum die aegyptiaca".
- ¹¹⁷ *Ibid.* P. 61: "...sed septem noctes tanta tempestate et periculo fuimus devicti, quod fere omni spe evadendi private essemus".
- ¹¹⁸ *Ibid.*: "Mane quoque surgente sole apparuit etiam litus de potu Ioppen coram oculis nostris, et quia tanta turbatio periculi nos in desolatione contristavit, gaudium improvisum et desperatum laetitiam in nobis centuplicavit".
- ¹¹⁹ *Ibid.* P. 62: "Nam eadem die qua appulimus quidam dixit michi, ut credo defice: "Domine, hodie litus ascende, ne forte, hac nocte vel diluculo tempestate supervenientes, cras ascendere non possis".
- ¹²⁰ *Ibid.*: "Me autem ascendente mare turbabatur, crevit commotio et facta est tempestat valida".
- ¹²¹ *Ibid.* P. 62: "Dum enim illuc pervenimus, vidimus tempestatem altitudinem superexcellere montium, corpora quidem innumerabilia hominum utriusque sexus summersorum in litore miserime iacentia aspeximus".
- ¹²² *Ibid.*: "Sed qui preter rugitum maris et fragorem navium quicquam audire potuit? *Ibid.*: "Clamorem etenim populi sonitumque omnium turbare excessit".
- ¹²³ *Ibid.* P. 63: "Non diu illud aspeximus antequam violentis undarum vel fluctuum anchorae lapsere, funes vero rumpebantur, naves autem, severitate undarum laxatae, omni spe evadendi erepta nunc in altum elevatae, nunc in ima detrusae

paulatim de profunditate tandem in arenam vel in scopulos proiciebantur; ibi vero de latere in latus miserrime collidebantur, ibi minutatim a tempestate dilacerabantur”.

- ¹²⁴ Ibid. P. 63: “...qualis oculus intuentium tam durus atque palideus a fletu se posset retinere?”
- ¹²⁵ *Balard*. Op. cit. P. 27–39.
- ¹²⁶ *Peregrinatores medii aevi quatuor: Burchardus de Monte Sion, Ricoldus de Monte Crucis, Odiricus de Foro Julii, Willebrandus de Oldenburg* / Ed. J.C.M. Laurent. Leipzig, 1864. В этих записках паломников практически нет описаний пути, но много рассказов о святых.
- ¹²⁷ *Dufourcq Ch.-E. L'impossible voyage en Terre Sainte // Les croisades*. P., 1988. P. 23.
- ¹²⁸ *Mollat du Jourdain M.* Op. cit. P. 351.
- ¹²⁹ *Fulcheri Carnotensis Historia* Lib. III. Cap. LIX, 2. P. 812.
- ¹³⁰ О символических представлениях и страхах, связанных с морем, см.: *Mollat du Jourdain M.* Europa und das Meer. S. 240–250.
- ¹³¹ См.: Continuation de Guillaume de Tyr de 1229 a 1261, dite de Manuscript de Rothelin // *RHC. Hist. Occ.* P., 1859. T. 2. По существу он представляет собой продолжение хроники Гийома Тирского на старофранцузском языке.
- ¹³³ Continuation de Guillaume de Tyr... P. 571–572: “Li maronnier qui sont saige et pourveant en tiex choses, font, quant il les voient, armer les genz qui sont dedenz les nes et estouper leur oreilles qu’il n’oient goute. En tel maniere pueent traire et lancier d’arconz et d’arbalestes a des, tant que eles sont loing. Et quant eles s’aprouchent et aerdent es nes, il les pueint feriir de coustiaux et de haichez, et, d’espees et d’autrez arnez”.
- ¹³³ Ibid. P. 572: “Caribidis si est unz autrez perilz de la mer. Li ancien dient que ce sont li nombril de la mer, et coumunement l’apele l’en le gouffre. La en droit englout la tere et l’abisme de la mer. car il n’est nule nef ne autre chose terrienne qui aprouchast de la, qui ne fist erraument ravie et partie et perie em cel asorbuissement et engloutie oveccques les iaues de la mer en abisme”.
- ¹³⁴ Ibid. P. 572: “Un autre peril a en la mer, car il i a granz roches et hautes, qui aparent par de desus la mer, et en tiez louz i a assez qu’elles n’aperent mie. Quant force de vent mainne la nef cele part, et ele i hurte par aucune aventure, en grant peril est d’affondrez et de pecoier. Aucune foiz est il avenu ou li cornonz de la nef devant se lance suer la roche, qui est couverte de la mer, et li autrez cornonz demeure et vaucre par mi la mer. En cele maniere perissent les nes, telz foiz est”.
- ¹³⁵ Еще одна большая опасность – это, по словам аббата Ротелена, брызжущие огненными искрами горы, которые извергают сильный огонь и пламя, а затем это пламя возвращается в них через kloкочущие и пылающие пещеры и рвы (Ibid. P. 573: “Un autre peril i a des montaingnes qui vouchent et gietent honz granz feuz et granz flambes, et apres les ranglitate et retraient a eles dedenz leur cavernes touz boillanz et touz ardanz et dedenz leur fosses...”). В этом случае, возможно, имеются в виду извержения вулканов.
- ¹³⁶ См.: *Olschki L.* L’Asia di Marco Polo. 1940; *Richard J.* L’Extrême Orient légendaire au moyen âge. S.l., 1957.
- ¹³⁷ *Historia Hieriosolymitana // Gesta Dei per Francos*. Hannover, 1611. Cap. LXXXII. P. 1097: “Nonnulli autem ex his quos animi vanitas, et inconstantiae levitas impellebant, non tam causa devotionis loca Sancta visitui peregre procedebant, quam causam curiositatis et novitatis ad partes sibi incognitas, transmigrabant ut mira et inexpertis stupenda, quae de partibus Orientis audierant, non sine mango labore probarent...”.